

# КАК КОРЕННЫЕ АВСТРАЛИЙЦЫ ПЫТАЮТСЯ СОХРАНИТЬ СЕБЯ

О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова

**Ольга Юрьевна Артемова** | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | [artemova.olga@list.ru](mailto:artemova.olga@list.ru) | д.и.н., профессор, главный научный сотрудник центра азиатских и тихоокеанских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия)

**Юлия Александровна Артемова** | <https://orcid.org/0000-0002-7437-8044> | [redfox712002@yandex.ru](mailto:redfox712002@yandex.ru) | к. и. н., доцент Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия)

## Ключевые слова

австралийские аборигены, традиционная культура, охота, собирательство, рыболовство, европейская колонизация, трудовая этика, минимизация усилий и рисков, синкретические ритуалы и верования

## Аннотация

Статья посвящена анализу индивидуальных и коллективных судеб коренных жителей удаленных поселений полуострова Кейп-Йорк (Австралия), а также некоторых связанных с коренным населением наблюдений, сделанных в Центральной Австралии. В основу положены экспедиционные материалы, собиравшиеся в 2005, 2007, 2008, 2009, 2015 и 2022 гг. На фоне материалов проекта, обретенных среди эвенков и эвенов Восточной Сибири, ситуация в удаленных от городских центров поселках аборигенов Австралии, наряду с некоторыми сходствами кардинального характера, демонстрирует и весьма существенные различия. Ни в прошлом, в начале колонизационных процессов, ни в настоящем аборигены в подавляющем большинстве своем добровольно не втягивались ни в индустриальную, ни в коммерческую деятельность австралийского “мейнстрима”, ни в товарно-экономические отношения с пришлым населением. Скорее, они всегда и до сих пор сознательно сопротивлялись и сопротивляются попыткам властей или частных предпринимателей приобщить их к каким-либо производствам или торговле. Причина, на взгляд авторов, кроется в характере традиционной культуры, ключевые черты которой, пусть и в трансформированном или даже порой извращенном виде, но сохраняются аборигенами, причем сохраняются сознательно и упорно.

---

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023  
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Артемова О.Ю., Артемова Ю.А. Как коренные австралийцы пытаются сохранить себя // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 143–177. <https://doi.org/10.31857/S086954152305010X> EDN: YEERPJS

Artemova, O.Y., and Y.A. Artemova. 2023. Kak korennye avstraliitsy pytaiutsia sokhranit' sebja [How Indigenous Australians Try to Preserve Themselves]. *Этнографическое обозрение* 5: 143–177. <https://doi.org/10.31857/S086954152305010X> EDN: YEERPJS

*Всякому просящему у тебя, давай,  
и от взявшего твое не требуй назад*  
(Лк. 6:30)

*Не знаю, почему Стивен Хокинг –  
и не только он один – столь сильно тревожился о том,  
как бы с других планет к нам не прилетели  
сверхразумные существа и не употребили  
свои передовые знания, чтобы сделать с нашим  
миром то, что уже и так сделала  
промышленная цивилизация.*  
(Янкапорта Т. Разговоры на песке)<sup>1</sup>

### **На земле аранда и питджанджара. “Разве вы, белые люди, счастливы”?**

Осенью 2022 г. после семилетнего перерыва первому автору этой статьи довелось в восьмой раз поехать в Австралию, а второму автору – в третий раз. Во всех предшествующих экспедициях подавляющая часть времени отдавалась полевой работе в удаленных от городских центров северных и северо-восточных поселках аборигенов, и никак не удавалось побывать в той части страны, где находятся самые знаменитые ее природные достопримечательности и где живут представители самых знаменитых этнокультурных общностей коренных австралийцев – аранда и питджанджара. На этот раз, после полутора месяцев полевых наблюдений в поселках северо-востока, нам все же посчастливилось добраться до тех заветных мест в самом сердце континента. Как ни интересно было поглядеть на центральноавстралийскую пустыню и, что еще заманчивее, на чуть ли не самые странные в мире горные конструкции, возвышающиеся, как гигантские шишки, посреди абсолютно плоской местности, – Айерс Рок (Урулу) и Маунт Ольга (Ката-Джута), – главным стимулом отправиться в это, прямо скажем, непростое путешествие было желание увидеть аборигенов, чья жизнь, как нам говорили некоторые англо-австралийцы (преимущественно занятые в туристическом бизнесе), в отличие от жизни северо-восточных собратьев, в настоящее время относительно осмысленна и благополучна, так как они имеют возможность обслуживать туристов, которые нескончаемым потоком едут на их исконные земли, т.е. выполнять хорошо оплачиваемую, разумную работу – знакомить любознательных приезжих со своим культурным наследием, а также получать иные выгоды от тех баснословных прибылей, которые приносят частным туристическим компаниям природный заповедник Национальный парк Урулу-Ката-Джута<sup>2</sup> и другие природные достопримечательности. Очень хотелось после тяжелых испытаний в забытых Богом селениях Кейп-Йорка (они порой именуются туземными гетто), увидеть и таких аборигенов, которым “жить хорошо”. Мы знали, что по преимуществу аборигены Центральной Австралии, так же как и аборигены севера и северо-востока, концентрируются в небольших поселках, расположенных далеко от городов и шикарных гостиничных комплексов. Попасть в такие поселки мы не рассчитывали, потому что по правилам, установленным то ли аборигенными, то ли какими-то англо-австралийскими административными структурами (скорее второе), требуется пройти длительную бюрократическую процедуру, чтобы получить туда доступ. Мы полагали, что познакомимся с некоторыми аранда и питджанджара, а может быть, даже и с лоритья и урабунну (названия двух других этнокультурных общностей аборигенов Центральной Австралии, часто упоминаемых в этнографической литературе), приезжающими в туристические центры, чтобы там работать.



**Рис. 1.** Карта Австралии, на которой отмечены места, где побывали авторы статьи.  
(Подготовлена Ю.А. Артемовой, июнь 2023 г.)

Пустыня встретила нас свежим, почти прохладным воздухом, нежной светло-серебристой зеленью, ароматами трав и цветов, а также разноголосьем птиц в неправдоподобно радужном оперении. В Центральной Австралии случаются чуть ли не десятилетия, на протяжении которых не бывает ни одного дождя, а в ноябре 2022 г. дожди шли каждый день, и пустыня расцвела. Нам повезло. Но только с погодой и природными красотами.

В главном городе, Алис-Спрингсе, мы видели немало коренных австралийцев, преимущественно аранда, но не среди официантов кафе или обслуживающего персонала гостиниц, не за прилавками магазинов. Не в изысканных арт-галереях, где во множестве выставлены предметы изобразительного творчества “местных племен” стоимостью в сотни и тысячи долларов. Торгуют ими не аборигены. Не аборигены и содержат эти галереи. Аборигенов мы видели бродившими по улицам или сидевшими на газонах, на лужайках в парках. Многие, главным образом молодые мужчины и женщины, пытались продавать проходным картинкам, выполненные на небольших холстах, обычно в традиционном стиле. Просили недорого – 40-50 долларов. В разговоры вступали неохотно. У некоторых вид был весьма нездоровый и отнюдь не свидетельствующий о материальном благополучии. Общались они почти исключительно между собой. Подчеркнем особо, что большинство центральноавстралийских аборигенов до сих пор сохраняют свои языки и в своей среде пользуются только ими, хотя обычно и владеют английским (некоторые лучше, некоторые хуже).

Характерные объявления висели на дверях фешенебельных супермаркетов и торговых центров: “Кто не ходит в школу, тот не ходит в этот магазин”; “Босыми не заходить”; “С собаками не заходить”; “По магазину без толку не

слоняться”. Но “слоняющихся” коренных австралийцев в магазинах было немало. Кажется, попадались и босые, и с детьми, которым надлежало быть в школе. Облик этих людей сильно контрастировал с обликом всей остальной публики, казавшейся беззаботной и обеспеченной. Аборигены же выглядели мрачными и унылыми, некоторые, по-видимому, часами просиживали в буфетах или кафе (ими изобилуют австралийские торговые центры) с кружкой пива в руках или вообще без еды и напитков. Было ощущение, что делают они это сознательно и вызывающе: “Мы на своей земле, будем сидеть и ходить, где хотим”. На них неприязненно и настороженно поглядывали холеные и важные охранники, высоченные и стройные, с иголки одетые (в красивые униформы) – масаи, которых предприниматели специально нанимают в Восточной Африке. Нам рассказывали, что, когда масайские охранники впервые появились в Алис-Спрингсе, аборигены сильно протестовали, нападали на масаев и кричали: “Поезжайте обратно в свою Африку, это наша земля!”. С белыми пришельцами коренным австралийцам пришлось смириться, но масаев они воспринимали крайне враждебно. Кстати, нельзя не задуматься: а зачем понадобились масаи в центрально-австралийском городе? Не для того ли, чтобы ввести в заблуждение не слишком сведущих в антропологии и этнографии иностранных туристов? На видных, бойких местах – чернокожие люди, сытые, подтянутые, вежливые. Цивилизованные во всех отношениях. И в то же время они – прирожденные воины, на весь мир прославившиеся культурой насилия и бесстрашием. На них можно положиться, если хорошо заплатить. В отличие от аборигенов.

Фигурально говоря, весь австралийский бизнес, ориентированный на иностранных туристов, держится на трех китах: кенгуру, экзотические пейзажи и аборигены. Аборигены в этой триаде, хоть и не на первом месте, но по существу – главные. Вся Австралия, куда ни глянь, буквально пестрит псевдотрадиционной эстетикой коренных жителей: чашки, тарелки, салфетки, скатерти, интерьеры кафе и ресторанов, сувениры и одежда в магазинах, рекламные растяжки на улицах, брошюры в туристических агентствах и т.д. и т.п. – все это украшено принтами, якобы воспроизводящими художественные стили коренных австралийцев. Мифы, легенды, обряды, хозяйственные изобретения, отработанные веками приемы выжигания растительности и формирования изысканных, похожих на английские аристократические парки, а главное, пожарорезистентных лесных угодий и саванных ландшафтов (так наз. земледелие с головешкой в руках), хитроумные ловушки для рыбы или мелких сумчатых, запруды, каналы и колодцы, в том числе за считанные минуты выкапывавшиеся в сердце пустыни, возвращающиеся бумеранги, боевые деревянные дубинки с искусной резьбой, десятки видов копий, громогласные изукрашенные росписью музыкальные инструменты (трубы-диджериду) и многие, многие иные ценности культурного наследия аборигенов – все это дает основную пищу рассказам (разумеется, с сильной редукцией существа дела) экскурсоводов и гидов, сопровождающих туристические группы по бесчисленным маршрутам. Сохранившиеся наскальные изображения древних насельников страны – одно из самых надежных и безотказных средств привлечь туристов к совершению дорогостоящей поездки в горные районы. С языка гидов – англо-австралийцев, индийцев, китайцев, аргентинцев, итальянцев (да кого хотите) – не сходят фразы вроде: “Вот – мулга, у нее древесина, твердая, как железо, аранда делали из нее самые прочные в мире копья”, “вот карьер, здесь аранда добывали охру”, “вот грот, здесь аранда проводили инициации мальчиков” и т.п. Закономерный вопрос: “А где же сами аранда теперь, почему их нет среди нас?” – вызывает недовольную гримасу, жест, выражающий желание поскорее отмахнуться от бестактного вмешательства во внутренние австралийские дела, и некую реплику вроде:

“Ну знаете, они любят жить в глухих местах, в своих сообществах, они не любят публичности. Это далеко отсюда, километрах в ста или даже трех сотнях, мы эти места не будем проезжать...”

Казалось бы, все те, кто делают деньги на “индигенных брендах”, могли бы “озолотить” весьма немногочисленных на сегодняшний день потомков людей, некогда навечно обеспечивших столь доходное предпринимательство. Прибыли все равно были бы очень хорошими. Но происходит иное. Прославление наследства аборигенов и обогащение “на нем” осуществляются в основном без участия аборигенов. Было бы хорошо, если бы их и вообще не было видно там, где бывают туристы. А то они очень контрастно смотрятся, когда рассядутся в кружок на лужайках перед “крутым” отелем “Паруса пустыни” (или “Оазис под пальмами”). Они подчеркнута не удастаивают вниманием свои одежду и прически, часто ходят босые, порой их глаза изуродованы трахомой, а тела – диабетом, их сопровождают озорные, сплошь и рядом просто неуправляемые дети с вечно мокрыми носами.

Примечательно, что в предвоенные годы (1930-е) по настоянию частных предпринимателей власти Северной Территории (не имеющая официального статуса штата, но, по существу, равнозначная штатам административная единица, куда входит и Центральная Австралия) стремились “полностью убрать” (выражение, вычитанное в официальном документе того времени) аборигенов из районов интенсивного туризма. Им там запрещено было появляться, хотя они все равно “появлялись” (Nakatani 2021). Однако волна либеральных движений второй половины прошлого столетия – и англо-австралийских, и “индигенных”, – а также последующие законодательные реформы, инициированные Федеральным лейбористским правительством в начале 1970-х годов, обеспечили целому ряду сообществ коренных австралийцев юридические права на исконные земли, в том числе и аранда, и питджанджара, и другим представителям коренного населения Центральной Австралии, которые теперь предпочитают именоваться собирательным этнонимом *анангу*. И хотя – хитроумным путем – правительство Северной Территории, взяв в долгосрочную аренду у анангу земли национальных парков и заповедников, привлекательных для туристов, предоставило возможность частным компаниям заниматься там туристическим бизнесом (за соответствующие отчисления, разумеется), теперь уже аборигенам нельзя запретить ходить, сидеть и лежать, где им заблагорассудится. Это они и делают, порой с нарочито неприязненным видом и весьма нелюбезными манерами. Так что трюк с масаями или фиджийцами (о последних будет сказано чуть ниже), если это, конечно, трюк, может обмануть лишь немногих простодушных приезжих и лишь ненадолго.

Вечерами мы видели, как центральная часть Алис-Спрингса наполнялась шумными компаниями молодежи (явно сильно нетрезвой), съезжавшейся из удаленных поселков (у многих есть автомобили, как правило, старые, неказистые, но “на ходу”). Отдельные группы вступали в драки между собой, приезжала полиция. Мощного сложения белые мужчины выхватывали и запихивали в “обезьянники” самых активных и далеко не так атлетически сложенных черных драчунов, которые отчаянно отбивались и безудержно бранились нецензурными словами. Им грубыми голосами вторили девушки, пытавшиеся выручить своих друзей... Ни те, ни другие не проявляли ни малейшего страха перед полицией, а выказывали презрение и ненависть, полицейские же с трудом сдерживали злость. Мы в таких случаях спешили убраться восвояси – в безопасную, охраняемую гостиницу. Опыт, обретенный в северных поселках, подсказывал, что так будет разумнее всего. Общения с аборигенами не получалось.

Кто-то посоветовал нам отправиться в пригород Алис-Спрингса, где расположен огромный парк – Музей пустыни. Там, нам сказали, работает аборигенка, которая, возможно, не откажется пообщаться с нами. Она отказалась. Кроме того, она не была местной жительницей, происходила из смешанной семьи откуда-то с севера. Говорить с нами она не стала, но, по-видимому, сообщила по телефону о нашем появлении в какую-то административную инстанцию, откуда прибыл очень любезный белый австралиец, представившийся чиновником, отвечающим за взаимодействие “новых” австралийцев и жителей поселков анангу. Он расспросил нас о нашей работе, а на вопросы о поселках аборигенов отвечать не стал, пообещал только потом, когда мы будем уже в Москве, прислать контакты профессиональных австралийских антропологов, работающих в Центральной Австралии. Мы не стали говорить, что контакты с антропологами у нас имелись и что при всей своей дружелюбности эти антропологи не захотели (или не смогли?) помочь нам попасть туда, где аранда и питджанджара живут в своей среде. Один из австралийских коллег как-то вскользь и нехотя заметил, что в некоторых центральноавстралийских поселках аборигенам живется еще хуже, чем на Кейп-Йорке или в Арнемленде. Возникло подозрение, что не только англо-австралийским бюрократам, но и профессиональным антропологам неловко перед иностранцами за то, в каком положении пребывают коренные австралийцы в этой богатейшей, процветающей стране, а потому есть как бы негласная установка возвести невидимую преграду между аборигенами и остальным миром. Позднее, уже в Канберре, коллеги говорили нам, что время от времени гангстерские группировки из поселков аборигенов совершают набеги, правильнее сказать, наезды (на своих и краденых автомобилях) на Алис-Спрингс и буквально терроризируют город: угоняют машины с парковок и носятся на них на бешеной скорости по улицам, круша все, что попадает на пути.

Несолоно хлебавши мы перебрались в селение Юлара (примерно в 500 км от Алис-Спрингса), где расположен фешенебельный туристический комплекс для тех, кто хочет посетить Национальный парк Урулу-Ката-Джута, знаменитый двумя уже упоминавшимися выше “культурными” горными вершинами – Айерс Рок и Маунт Ольга. Каждая из этих двух гор находится приблизительно в 20 км от Юлары (в разных направлениях), попасть к ним можно, только купив автобусный тур или на частном автомобиле за особую плату. Это земля питджанджара, находящаяся в аренде у государства.

В Юлару мы добирались через пустыню семь часов. Ехали на автобусе, водитель которого выполнял и роль экскурсовода. Он среди прочего говорил о том, как много делается в районе Национального парка Урулу-Ката-Джута для местных аборигенов, в частности их специально обучают, чтобы они могли работать с туристами. Когда мы прибыли в Юлару, в шикарном отеле (а других там нет) нас встретил темнокожий портье, вышколенный и любезный. Вот ведь, правда, подумалось сначала, здесь у аборигенов есть возможности для трудоустройства, и хорошо, оказывается, такую работу они делают. Однако что-то насторожило нас в облике того портье, и разговаривал он с нами слегка свысока – как говорят опытные гостиничные служащие с теми, кто не производит впечатления богатых людей. Ни разу ничего подобного мы не испытывали при общении с коренными австралийцами. К вечеру того же дня, повидав нескольких темнокожих горничных и официанток в том же отеле, мы догадались, что это не коренные австралийцы, а фиджийцы, представители островного народа с глубокими земледельческими традициями. Спросив прямо одну из официанток, не фиджийка ли она, мы получили подтверждение этой догадки. Открывая, доброжелательная, общительная, веселая (как и все ее соотечественники

и соотечественницы в Юларе), она сообщила нам, что местные гостиничные комплексы недавно наняли и доставили сюда с архипелага Фиджи 150 человек, которые весьма довольны работой и условиями жизни в Юларе. Прекрасная возможность поправить материальное положение семьи. На Фиджи заработки значительно хуже, чем здесь.

Забегая вперед, отметим, что в ближайший воскресный день в надежде встретить аборигенов, о которых нам было сказано, что они все еще сохранили привитую миссионерами привычку по воскресеньям посещать церковную службу, мы отправились пешком в соседний поселок в поисках церкви. Было непросто ее найти, но помогли фиджийцы, которые тоже туда держали путь. Оказалось, что соседний поселок предназначен для фиджийцев, и все на богослужении были фиджийцами, за исключением двух белых австралийцев и одного полинезийца, кажется, маори. Нас, незнакомок, там приняли чрезвычайно радушно, мы присутствовали на службе, слушали великолепное, ни на что не похожее пение фиджийского церковного хора, потом пили чай с домашней выпечкой. Однако проповедь священника показала, что не все так радужно в этой маленькой фиджийской колонии. Мужчины и женщины, лишь недавно оторванные от семей, стали уже вступать между собой в “достойные порицания отношения”, что и само по себе греховно, но главное – чревато разводами и горем мужьям, женам, детям, родителям, оставшимся дома. Эти “порицаемые отношения” вносят раздоры и в жизнь здешней деревни: соперничество, конфликты, угрызения совести, моральное осуждение товарищей и т.д. Казалось бы, тривиальные издержки маятниковой миграции и вахтенного найма. Но почему именно фиджийцы понадобились гостиничным предпринимателям, когда в Австралии уже имеется множество иммигрантов из стран Восточной и Юго-Восточной Азии? Многие из них были бы рады такой работе. А фиджийцев – в угоду каким-то коммерческим соображениям – нужно было специально “выписывать” в Австралию, оплачивать “доставку”, обеспечивать жильем, обучать приемам гостиничного обслуживания, кулинарным навыкам, отвечающим европейским вкусам (кстати, последнее им весьма плохо дается), и т.д., а главное, – отрывать от семей и привычного крестьянского труда. Не в том ли дело, что австралоидные по антропологическому типу темнокожие меланезийцы эффективно дополняют местный экзотический колорит? А могут ведь среди иностранных туристов быть и такие, которые не поймут, что это не питджанджара, не анангу. “Все на продажу!”

А питджанджара и прочие анангу в Юларе, как и в Алис-Спрингсе, сидели на лужайках, пытаясь продавать туристам свои картинку, или просто так. Правда, вели себя они тихо, никаких эксцессов не происходило, шумных молодежных компаний не было. Забавные сценки мы наблюдали в самом центре поселка. Например, полная румяная блондинка-экскурсовод рассказывает свою туристическую группу на скамейки и демонстрирует различные предметы, которые анангу когда-то употребляли в повседневном быту, среди прочих – куламон, деревянное корытце. В таких женщины носили плоды, семена, ягоды, готовили тесто для лепешек, толкли орехи и т.д. Блондинка ставит куламон себе на голову и прохаживается с ним перед своей аудиторией, а чуть поодаль сидят аборигенки с детьми и наблюдают за ней... Или молодой белый мужчина демонстрирует игру на диджириду. Диджириду – инструмент, который бытовал исключительно в некоторых районах Арнемленда (на севере страны), у местных аборигенов его никогда не было. Но кому это важно?

Любые наши попытки поговорить с аборигенами, сидевшими на лужайках, решительно ими пресекались. Единственный шанс перекинуться хоть немногими словами – купить картинку, что мы и делали несколько раз. Денег про-

силы немного и легко, с каким-то безразличием, готовы были уступать в цене. Но разговор при этом получался более чем скупым, кратко пояснялось значение изображения и потом произносилось: “Хочешь купить, покупай, давай деньги и уходи!” Лишь одна женщина вдобавок к этой фразе (видимо, условленной в их среде) согласилась написать на обороте картинки свое имя и название поселка, из которого она приехала вместе с дочерью и внуком-младенцем. Но говорила она с нами без малейшего подобия улыбки или доброжелательства. Неприязненная отстраненность. Дочь, правда, подошла к нам и поздоровалась. Назвала свое имя и имя малыша. Мы спросили, получает ли их поселок в целом или хотя бы кто-то в нем какие-либо выплаты из прибылей от туристических предприятий на их земле<sup>3</sup>. Они ответили отрицательно и дали понять, что разговор окончен. Художница написала название своего селения и свое имя на обороте проданной нам картинки. Селение называется Иманпа. Мы потом нашли его на картах Google и постарались разглядеть, как оно устроено, почитали, что пишут о нем на официальном сайте центральноавстралийских аборигенов. Там посреди пустыни в типовых домиках в 160 км от Юлары живет немногим более 120 человек.

В красочных рекламных листовках, которые предлагались повсюду, значилось два тура в некие семейные поселения, где мужчины и женщины анангу (названы были их имена), расскажут о своем повседневном быте и культурных традициях. Но один из этих туров оказался временно отмененным, а второй – заказанным “закрытой” группой, к которой невозможно присоединиться.

На территории Национального парка Урулу-Ката-Джута действует Культурный центр анангу. В нем, как было указано в рекламных брошюрах, работают местные художники и художницы, на глазах у посетителей они создают свои произведения и рассказывают о них, о себе, об особенностях местного изобразительного творчества в целом. Мы там побывали. Центр помещается в красивом, сложно устроенном в архитектурном отношении здании, конструкция которого символизирует лабиринт и ассоциируется с мифом питджанджара о двух змеях – тотемических предках. Там можно было посмотреть научно-популярные этнографические фильмы, увидеть множество фотографий превосходного качества, а также аутентичные артефакты (с пространными комментариями на сопроводительных табличках), но самих коренных австралийцев там не было. Наконец, “лабиринт” привел нас в помещение, где за огромные деньги продавались огромные (и поменьше, всякие) полотна с живописными работами аборигенов. Их там предлагалось бесчисленное количество. В этом салоне было двое продавцов, белый мужчина и молодая девушка, которая, как выяснилось потом, происходит из Северного Арнемленда, из сильно аккультурированной общности, давно утратившей свой язык. Оба они охотно согласились побеседовать с нами. Мужчина сказал, что он шотландец и в Австралии всего четыре года. Говорил в основном он: “Да, художники, местные аборигены и аборигенки, время от времени здесь бываю, пишут картины: вот их рабочие места, краски, кисти, холсты, столы, стулья”. Было видно, что всем этим пользуются. Но, судя по всему, эпизодически. Отметим попутно, что аборигены, как правило, не употребляют мольбертов, а раскладывают холсты на больших столах и работают, сидя на стульях или стоя, либо расстилают холсты на полу и пишут в позе “по-турецки” или полулежа рядом. «Представьте, – продолжал наш собеседник, – ведь они получают хорошее вознаграждение, когда находятся здесь и общаются с посетителями, а они – хотят появляются, не хотят не появляются... То же и в гостиницах, и кафе, в киосках по продаже сувениров, в салонах, где реализуются предметы искусства. Ведь пытались их привлекать к такой работе, учить всему этому. Ничего не вышло, образования не хватает, ведь многие их дети и



в школу-то не ходят, и потом – регулярно делать одно и то же они не желают, ни в коем случае. Им претит начинать работу в одно и то же время и в одно и то же время заканчивать. Они сознательно отвергают тяжелый физический труд, отвергают услужливость. Стелить постели в гостиничных номерах? Гнуть спины с утра до ночи? Мыть, пылесосить полы, мести дворы? Угождать клиентам? Да ни за какие деньги. И детей своих так воспитывают. Учат их не быть такими, как белые люди, вообще не иметь с белыми ничего общего. Это выстраданная и выработанная позиция. Они знают, как говорят: “Вот вы, белые люди, трудитесь от зари до зари, соперничаете друг с другом, делаете работу, которая вам не нравится, чтобы было побольше денег. Деньги копите, чтобы все покупать, дома, машины, мебель и все такое. А разве вы счастливы? Нет, вы не счастливы, и мы не хотим жить так, как вы живете!” Прямо этими словами и говорят».

Мы, конечно, не приняли воспроизведенные нашим собеседником слова аборигенов буквально. Но они помогли нам понять, что не в счастье дело, а в осмысленности жизни дело. Эти слова помогли нам также посмотреть под несколько иным углом и на материалы, собранные в поселках аборигенов на северо-востоке страны.

### “О аурукунская земля!”

Полтора месяцами ранее мы втроем, В.Л. Кляус и авторы этой статьи, въезжали на внедорожнике, арендованном в ближайшем шахтерском городке, в поселок Аурукун на северо-западе полуострова Кейп-Йорк. Это жаркие влажные тропики, 13 градусов южной широты. Прозрачные эвкалиптовые леса вокруг. Три больших реки – Арчер, Уард и Уотсон – впадают в залив Карпентария в 10 км от поселка. Дневная температура воздуха – от 35 до 40 градусов по Цельсию. В поселке живут представители этнокультурной общности вик-мункан и ряда родственных групп. Немногим более 1000 человек, есть приезжие – англо-австралийцы, голландцы, полинезийцы, китайцы, выходцы с островов Торрессова пролива и др. Они в основном обслуживают инфраструктуру. О.Ю. Артемова приезжала туда в 2005, 2007, 2008 (в последнем случае вместе с А.А. Закурдаевым), 2009 и 2015 гг. В 2009 и 2015 гг. – в сопровождении Ю.А. Артемовой и В.Л. Кляуса. Об этих экспедициях немало рассказывалось в предшествующих публикациях (напр.: *Артемова* 2016, 2018; и др.). Мы постараемся как можно реже повторяться в дальнейшем изложении.

Как и в прежние разы, возвращение в это место волновало. Там нас знают, помнят, кто-то, похоже, любит... Как встретят – обрадуются? Удивятся? У нас даже сложилась традиция петь на ближайшем к поселку километре: “О аурукунская земля, уже ты за холмом!” Хотя земля там плоская, как блин. На этот раз спел В.Л. Кляус, сидевший за рулем. Но с первой минуты мы почувствовали, что над Аурукуном нависла какая-то мрачная тень. Он и раньше не был райским уголком, но теперь там все было другим. Ни мелодичной музыки, которая обычно раздавалась из домов, ни детского гомона, ни самих детишек на улицах (а прежде они бегали повсюду во множестве). Немногочисленные взрослые были видны во дворах, они двигались, как в замедленной съемке, в полном безучастии к нашему появлению, да вообще ко всему вокруг.

Лишь по прошествии некоторого времени нам удалось выяснить, что случилось с Аурукуном. Все наши собеседники, как черные, так и белые, избегали разговоров об этом. Молчали и знакомые антропологи, с которыми мы переписывались перед поездкой и встретились в поселке. Мы поняли, что имеем дело со страшной и тщательно оберегаемой тайной, поэтому никого ни о чем не рас-

спрашивали. Восстановили события “головоломным” путем. В.Л. Кляус проявил смекалку и упорство подлинного детектива. Значительная часть информации была собрана по крупицам из заметок, разбросанных в кейп-йоркских СМИ (причем в таких, доступ к которым ограничен и возможен исключительно за особую плату). Только ее мы и отразим здесь.

В ночь с 31 декабря 2020 г. на 1 января 2021 г. в Аурукуне столкнулись в массовой драке две давно враждовавшие группировки мужчин, один человек был убит. Убийцей оказался семнадцатилетний подросток, которого полиция моментально вывезла из поселка, однако партия потерпевших жаждала мести. Собралось около двухсот человек, всю ночь и следующий день они крушили дома родственников убийцы, сожгли восемь домов. А в родстве там все, так что люди бежали из поселка вне зависимости от близости или дальности связей с убийцей. Некоторые поселились в буше, в импровизированном лагере, некоторые добрались до соседних поселков, где у них была родня (Напранум примерно в 200 км, Пормпурау в 600 км, Куаньяма в 700 км, Мапун в 300 км) или до города (Кернс в 600 км). Аурукун опустел. Возвращаться стали через полгода, а то и более. Постепенно. Некоторые остались жить в других местах. Последствия того события ощущаются до сих пор, страсти не улеглись полностью, в новых столкновениях были новые пострадавшие (множество раненых и еще один человек погиб), стычки происходили и продолжают происходить чуть ли не каждую ночь, и не только в самом поселке, но и в других местах, в том числе и в Кернсе. Сразу после события и впоследствии немало людей, прежде всего молодых, было арестовано, расследования и судебные разбирательства продолжаются до настоящего времени.

Так мы поняли, почему взрослые в Аурукуне стремятся не отпускать детей гулять одним, а многие не водят или не позволяют ходить в школу. Из официальных источников мы узнали, что из 200 детей, которым надлежит учиться, осенью 2022 г. школу посещало лишь 50 человек. Родители боятся драк между детьми, которые всегда у аборигенов посвящены во все дела взрослых. А гнетущая тишина в поселке стояла потому, что все еще не были проведены традиционные церемонии поминовения убитого той новогодней ночью мужчины и его отца, умершего вскоре после тех событий. Музыка, пение, любые увеселения были под запретом.

Мы поняли также, сколько добросердечия проявили члены Совета Аурукуна (выборный орган самоуправления) и его глава миссис Кери Тамвой, которые в такое сложное время дали официальное разрешение на нашу этнографическую работу и в дальнейшем неизменно помогали нам. То же следует сказать и о сотрудниках ряда административных служб, библиотеки, арт-галерей и детского сада, о местном пасторе и его помощниках, о служащих полиции и в особенности о коллегах-антропологах, прежде всего о докторе Дэвиде Мартине, эффективно содействовавших подготовке и проведению нашей экспедиции. А наши названные родственники (о том, как российские исследователи смогли вписаться в систему родства коренных австралийцев, говорилось в прежних публикациях) из славной семьи Путчеманка, несомненно, позаботились о том, чтобы мы не попали в беду, чтобы раздоры, вражда и грабежи не коснулись нас и чтобы мы не чувствовали себя в поселке лишними и неуместными. Они же позволили нам участвовать в важнейших семейных событиях и обеспечили разрешение присутствовать при событиях клановых и общепоселковых.

Сначала нас поселили в благоустроенной, расположенной на окраине поселка гостинице, усиленно охраняемой от вторжения “криминальных парней”, которые, как нас уверяли, легко взламывают все замки и решетки, могут даже чуть ли не из-за пачки сигарет, оставленной на виду, разбить стекло в автомобиле – и сигнализация им нипочем, и скроются одномоментно.

Однако в том оплоте безопасности, который, кстати, ограбили со взломом несколькими днями позже, у нас не было условий для общения с респондентами, и мы попросили разрешения поселиться в самом центре Аурукунга, в большом пустующем, запущенном и заброшенном доме, который тоже когда-то был гостиницей. Менеджеры гостиничного дела (голландец и англо-австралиец) нас отговаривали (шум, крики, скандалы вокруг, особенно по ночам, и там нет охранников), но все же позволили туда перебраться и даже помогли обустроиться. Однако с нас взяли слово, что мы будем всегда, и днем, и ночью, держать на запоре все двери (их там было как минимум четыре), а также ворота во двор, что мы и делали (хотя с замками была морока).

В тот дом к нам охотно приходили наши аурукунские родственницы (все мужчины-родственники, с которыми в прежние годы были налажены отношения, умерли), а иногда и новые друзья, в том числе англо-австралийцы. Рядом располагались единственный в поселке магазин, здание Совета, пресвитерианская церковь, библиотека, работавший допоздна киоск *Take Away*, почта, арт-галерея и школа. Мы были в сердце аурукунской жизни и ни разу, как и во все прежние годы, не столкнулись с реальной опасностью (и никто ничего у нас не украл и не пытался украсть). Зато перед нами, как на сцене, разворачивались драмы и комедии: то чиновники устраивали “общее собрание жителей”, на котором все белые, а также некоторые черные сотрудники полиции и иных служб по очереди призывали молодежь прекратить драки и всякое “криминальное поведение” и на которое, помимо “официальных лиц”, пришли одни только старушки и их “мелкие” внучата; то охранники из магазина охотились на большую ядовитую кобру, которую, скорее всего, уже полумертвую мальчишки подбросили к магазину для забавы; то два юнца угнали автомобиль поселковой амбулатории, на котором не менее получаса носились взад-вперед со свистом и скрежетом колес на огромной скорости по главной улице под вопли и улюлюканье собравшихся зрителей, – и все это накрыло стеной внезапно хлынувшего тропического ливня; то вспыхнула очередная потасовка, полетели камни, палки, куски глины, и женщины громко вопили, а полиция примчалась усмирять; то в церкви часами готовились к похоронной службе и никак не могли начать ее; то вдруг откуда-то “сверху” пришло распоряжение возлагать венки к памятнику воинам, погибшим в двух мировых войнах, и все, включая нас, возлагали...

Хуже было, когда ничего не случалось. То были изнуряющие “дни сурка”. Каждое утро и каждый вечер мимо нашего дома проходили двое таинственных белых мужчин низкого роста в плотной черной униформе с рюкзаками за спиной. Мы так и не узнали, кто они и что у них за работа. Одни и те же женщины везли мимо детей в колясках, одни и те же инвалиды проезжали в своих креслах на колесах... В одно и то же время, в 10 часов утра, открывался магазин, и одни и те же люди приходили или приезжали на своих автомобилях за покупками или просто провести время. Одни и те же мужчины и женщины, по большей части немолодые, сидели на лавках или стояли у входа в надежде выпросить у посетителей немного денег, пачку сигарет, бутылку колы или какую-то еду. В час дня магазин закрывался на перерыв, и сцена пустела. Днем, в самую жару, жители Аурукунга в большинстве своем ложатся спать. После трех пополудни повторялось то же. В пять часов вечера, когда хоть чуть-чуть спадала жара, мы выходили погулять по поселку одним и тем же, единственно приемлемым маршрутом. В одном и том же месте нам навстречу шли молодые мужчины, один из которых кричал: “Здравствуй, это ты написала книгу про нас? Там мой брат на обложке!” Одни и те же молодые женщины стояли около взлетной полосы и пытались продавать какие-то поделки, кажется, искусственные цветы, одна и та же супружеская пара спрашивала купить у них одну и ту же раскрашенную

деревянную скульптуру собственного производства – черную птицу с красным хохломком. Одни и те же люди часами сидели в пластмассовых креслах возле своих домов...

Первые восемнадцать дней, когда с нами оставался В.Л. Кляус и у нас была машина, мы втроем и вместе с семьей Путчеманка несколько раз ездили в красивые, удаленные от поселка места на реках Уард и Уотсон – ловить рыбу. Рыбалки были одновременно и пикниками. В.Л. Кляусу даже удалось однажды принять участие в охоте молодых мужчин на эму. Мы продолжили работу по изучению и описанию аурукунских кладбищ (об этом подробнее ниже), куда не добраться без машины. Наконец, мы просто ездили “проветриться” по окрестным лесам и полям, несколько раз навевывались в ближайший шахтерский городок и побывали в двух других поселениях аборигенов. Когда же В.Л. Кляус вынужден был уехать в Москву, мы остались вдвоем и без машины, привязанные к Аурукуну.

В полевой работе самое тяжелое – это когда нет респондентов, а материалов еще набралось немного, нечего обрабатывать, нечего делать. Но время-то уходит! Бродить по поселку и искать собеседников бесполезно. Может, даже небезопасно. В свои дома аборигены нас не приглашали, какие бы хорошие отношения с ними ни установились. Их традиции гостеприимства сильно отличаются от наших (Артемова 2018: 91–92). Оставалось лишь ждать гостей к себе. Самая верная помощница – миссис Гарриет Путчеманка (Рис. 2 и 3) – часто бывала занята. У нее, одной из немногих в Аурукуне, имелась хорошая, осмысленная работа. Но она все же приходила, когда освобождалась, и сидела с нами часами напролет. Приводила племянниц и внучек. Бывали у нас в гостях, как уже упоминалось, и другие жители поселка. Кроме того, мы посещали раз-



**Рис. 2.** Гарриет Путчеманка, Дэвид Мартин, Владимир Кляус и Ольга Артемова работают с базой аурукунских генеалогий. Октябрь 2022 г. (Фото Ю.А. Артемовой)

личные местные службы (полицию, библиотеку, администрацию Совета и др.) и интервьюировали сотрудников, если они любезно находили время для разговоров с нами.

В целом удалось собрать немало важных сведений в соответствии с задачами нашего проекта. Более всего мы интересовались биографиями аурукунцев, как здравствующих, так и ушедших из жизни. Наряду с расспросами о судьбах людей, мы собирали генеалогические сведения, которые фиксировали письменно и презентовали графически. Как правило, О.Ю. Артемова вела беседы с респондентами, а Ю.А. Артемова заносила информацию в компьютер, затем составляла красочные схемы (Рис. 4). Эти схемы – по готовности – демонстрировались респондентам на экране компьютера, и о каждом человеке задавались вопросы: жив ли, умер, что с ним случилось, чем болел, чем занимался при жизни и т.д. Потом все данные заносились в особый реестр.

Уникальную возможность получить информацию биографического характера дало изучение, описание и составление планов (с указанием имен и дат жизни похороненных людей) двух аурукунских кладбищ – старого и нового. Рассматривая эти планы, наши собеседницы вспоминали о судьбах умерших. Облегчало

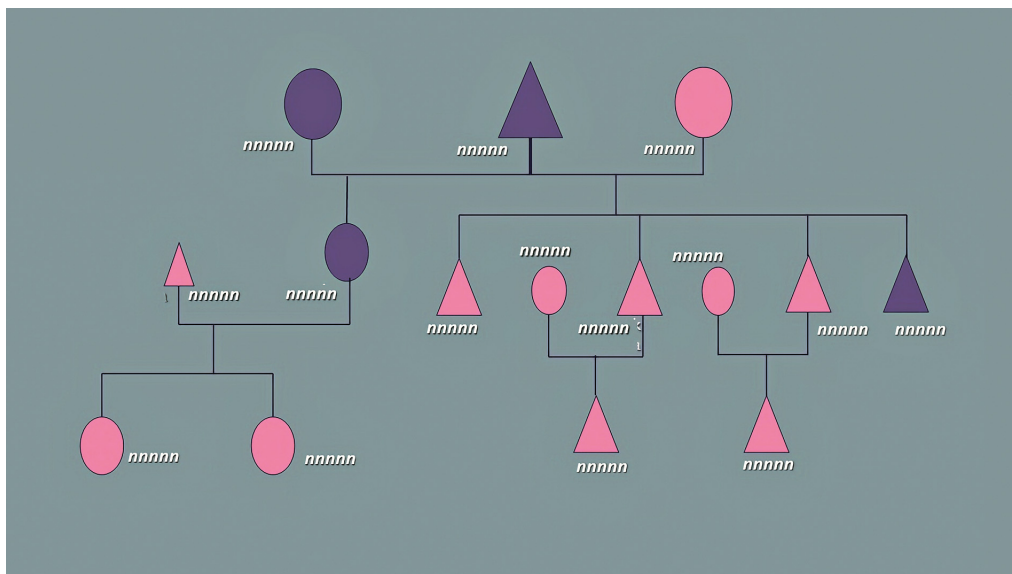
задачу и то, что, глядя на бумажный носитель или на схему на экране компьютера, они могли говорить о покойных, не произнося имен вслух и не нарушая тем самым одного из строгих религиозных запретов.

Мы также посещали все церковные службы, в том числе поминальные и похоронные, участвовали в ряде общественных мероприятий и публичных обрядов. Нам довелось присутствовать на четырех церемониях “открытия дома”: после смерти человека дом, в котором он жил, покидают, т.е. “закрывают”, а через какое-то время “открывают” – проводят сложный синкретический (в нем сочетаются местные традиции, элементы, заимствованные у островитян Торресова пролива и у жителей Полинезии) комплекс ритуальных действий, посвященных поминовению умершего и отражающих его судьбу, а также роль и позицию в структуре социальных связей. Церемонии сопровождаются массовыми процессиями, пением, танцами, речами, ритуальными плачами. Специально готовится множество художественно оформленных параферналий. Всем участникам обрядов заказывают из Кернса футболки с принтами, отражающими тотемические символы пяти местных кланов. Мы записали все четыре церемонии



**Рис. 3.** Гарриет Путчеманка и Ю.А. Артемова. Ноябрь 2023 г.  
(Фото О.Ю. Артемовой)





**Рис. 4.** Генеалогия одной из семей Аурукун. Имена и фамилии скрыты умышленно. Лиловым цветом обозначены люди, ушедшие из жизни. (Схема выполнена Ю.А. Артемовой, ноябрь 2022 г.)

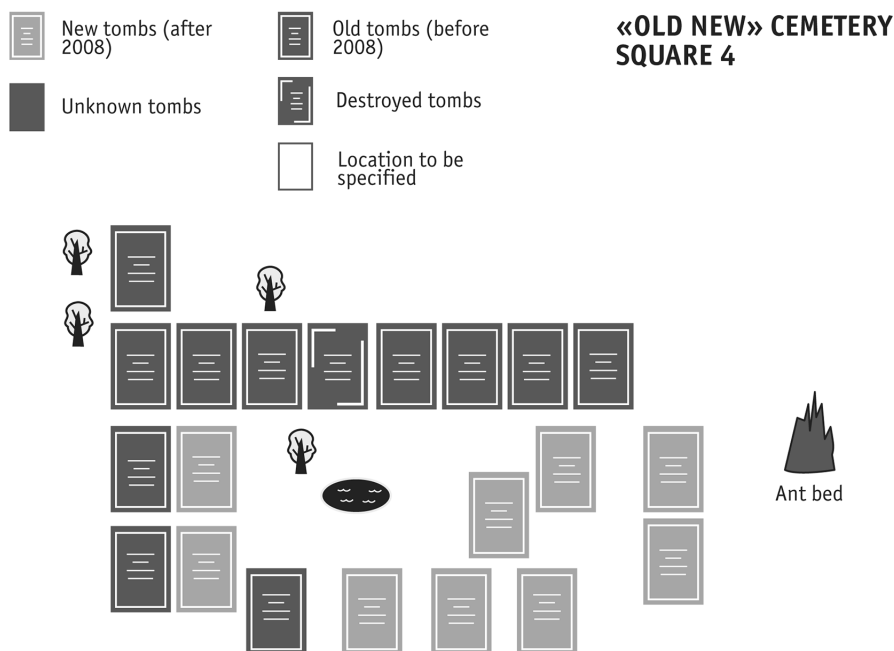
на видеокамеру и сделали немало фотографий. Такая возможность выпадает нечасто. Достаточно сказать, что события эти были посвящены мужчине, погибшему в ту трагическую новогоднюю ночь, и его отцу, последовавшему на кладбище за сыном. Со времени смертей прошло без малого два года. Покойные в разное время жили в разных домах. Потому церемоний и было четыре. Они проводились в один день.

Мы улетели из Аурукун в Кернс на маленьком рейсовом самолете перед самым началом сезона дождей и тропических штормов. Наступало время, в которое россиянам-северянам, как нас уверили, лучше не оставаться в поселке. Да и могли возникнуть перебои в авиасообщении.

### Перемены и традиции

За семь лет, что нас не было в Аурукуне, стали взрослыми мужчинами и женщинами те, кого мы помнили детьми и подростками. У некоторых из них образовались свои семьи, родились дети. Умерло несколько самых доброжелательных наших помощниц старшего поколения (а помощники-братья О.Ю. Артемовой, рожденные в 1940-1950-е, умерли еще до 2015 г.). Были самоубийства среди молодых людей. По никому не понятной причине добровольно ушел из жизни сын одной из близких сестер, тихий, добрый, славный человек, его все любили. Многие женщины, которые были сильными и активными, когда начиналась наша работа, теперь состарились, ослабели, как-то сникли. За последние семь лет поселок изменился несравненно заметнее, чем за предшествующие десять (с 2005 г.).

Аурукун был основан в 1904 г. и до 1978 г. являлся пресвитерианской миссией. В течение этого периода миссионеры вели записи о рождениях и смертях жителей. Нам удалось познакомиться с частью этих рукописей (Record 1891–1948), отражающих время, когда вик-мункан только начали переходить к



**Рис. 5.** Фрагмент плана аурукунского кладбища, квадрат 4. Темные прямоугольники обозначают могилы умерших до 2008 г., а светлые – между 2008 и 2015 гг. (План составлен Ю.А. Артемовой, 2016 г.; графическая подготовка к печати выполнена А.А. Парамоновой)

оседлому образу жизни при миссии, перемежая его с мобильным – “в бусе”. Вопреки стереотипным представлениям о низкой продолжительности жизни у охотников и собирателей, большинство зафиксированных смертей были смертями “от старости” (в источнике значилось *senility*).

В 2008 г., по совету Дэвида Мартина, О.Ю. Артемова и А.А. Закурдаев начали обследование аурукунского кладбища. В Австралии принято, чтобы антропологи, работая в поле, не просто собирали материал в соответствии с научными интересами, но и делали что-нибудь полезное для коренных жителей. Как подзревал Д. Мартин, после того как последний миссионер уехал из Аурукуна, там вообще никто не занимался фиксацией смертей<sup>4</sup>. Эту работу мы вели также в 2009 и 2015 гг. В 2015 г. обследованное нами кладбище было закрыто и создано новое в другом месте. Его мы описали в 2022 г. Работа осуществлялась по официальному разрешению и с одобрения Совета Аурукуна, все наши материалы были ему предоставлены. Они ценятся и администрацией, и местными жителями.

Ю.А. Артемова составила планы обоих кладбищ, на старом оказалось около 400 захоронений (образец см. на Рис. 5), на новом – около 60. Она же сделала реестр надписей на могильных табличках, крестах и памятниках. К нему В.Л. Кляус добавил фотографии всех могил. Еще во время работы на старом кладбище у нас сложилось впечатление, что в последние десятилетия в Аурукуне случилось много безвременных смертей, а могилы стариков далеко не составляют большинства. Позднее Ю.А. Артемова проанализировала собранные

данные<sup>5</sup> и пришла к выводу о поразительном скачке смертности среди жителей, не достигших сорокалетнего возраста, в поколении родившихся в 1961–1980 гг. (в этой возрастной группе 84% ушедших из жизни – люди моложе 40 лет, см. Табл. 1). В предыдущем поколении смертность среди молодых тоже возросла по сравнению с более старшими возрастными группами (20,5% в сравнении с единичными случаями преждевременных смертей среди людей постарше, см. Табл. 1). И это на фоне кардинального улучшения медицинского обслуживания аборигенов по всей Австралии, а также других положительных бытовых преобразований в их поселках. Дальнейшую динамику преждевременных смертей в Аурукуне оценить в настоящий момент невозможно по очевидным причинам: список захоронений людей, родившихся после 1981 г., еще будет пополняться, а на сегодняшний день в нем по определению числятся лишь люди, умершие преждевременно.

Таблица 1

**Статистика ранних смертей жителей Аурукуна по поколениям.**  
Составлено Ю.А. Артемовой (2021 г.)

Годы рождения	Количество умерших	Количество смертей в 0-20 лет	Количество смертей в 21-40 лет	Умершие в возрасте до 40 от общего числа умерших
1900–1920	30	0	1	1 из 30 (3%)
1921–1940	68	0	1	1 из 68 (1,5%)
1941–1960	78	3	13	16 из 78 (20,5%)
1961–1980	43	11	25	36 из 43 (84%)
1981–2000	17	16	1	100%
Рожд. после 2000	17	17	-	100%

При этом общего снижения численности аборигенов в Австралии в целом и в Аурукуне в частности в настоящее время не происходит, так как высок уровень рождаемости и значительная часть населения – дети, подростки и молодые люди. Детская и подростковая смертность в Австралии весьма низкая, в том числе и среди аборигенов. Но немалое количество молодых людей из их среды погибают в автомобильных катастрофах, некоторые – в драках. Распространено домашнее насилие, от которого более всего страдают молодые женщины. У нас в биографических реестрах значится целый ряд безвременных женских смертей “от рук сожителей”. Самое же страшное явление – суицид, совершаемый преимущественно людьми от 15 до 30 лет. В традиционных условиях его, по-видимому, не было (*Берндт, Берндт* 1981: 364), не припоминаем сведений о самоубийствах и в миссионерских рукописях.

По свидетельствам австралийских социальных антропологов Д. Мартина, Б. Сайерс, П. Саттона, Дж. Фон Штюрмера и др., с концом эпохи миссионерского управления и обретением аборигенами все больших свобод, получением ими (1967 г.) равных с остальными австралийцами гражданских прав, а также государственной поддержки в виде различных денежных пособий Аурукун стал парадоксальным образом впадать в то, что в литературе именуется хронической дисфункцией социально-экономической жизни. Распалась традиционная хозяйственная деятельность, нарушилась привычная система питания и распространились диабет, сердечно-сосудистые, онкологические заболевания. Ушли инициации, ушло традиционное лидерство, люди перестали заключать браки,



вместо мужей и жен составлялись пары так наз. дефакто (от лат. *de facto*), многие из которых весьма недолговечны (хотя имелись и имеются прочные союзы), в практику вошли ранние и неупорядоченные сексуальные отношения. Причем в этот период активно трудились антропологи и социальные работники, создававшие различные прогрессивные программы, немало сделали и общественные организации самих аборигенов.

Дэвид Мартин, Барбара Сайерс, Питер Саттон, Джон фон Штюрман с тоской и горечью вспоминали в наших с ними разговорах о том, какой хорошей, мирной, осмысленной, разумной была жизнь в Аурукуне, когда они начинали там свою работу на рубеже 1960–1970-х годов. Как дружелюбны ко всем пришельцам и как дружны между собой были люди! А О.Ю. Артемова с печалью вспоминает об эмоционально насыщенных и веселых днях, проведенных в обществе братьев и сестер своего поколения и их многочисленных внучат (повзрослевших теперь) в 2005, 2007, 2008 гг. Ю.А. Артемова и В.Л. Кляус в 2009 и 2015 гг. тоже застали ситуации куда лучшие, чем та, с которой пришлось столкнуться в 2022 г.

О бедах Аурукунa 2005–2015 гг. написано в предшествующих публикациях, бед и тогда было немало, но в 2005 г. О.Ю. Артемова ночью в компании двух сестер ходила через весь поселок на репетиции, проводившиеся перед церемониями “открытия дома”, и часами сидела, единственная “белая”<sup>6</sup>, на многолюдных сборищах, наслаждаясь безмятежно добродушной и оживленной атмосферой. Веселой и безопасной была обстановка на ночном концерте, который устроили приезжие актеры в 2008 г. Они пели, плясали, показывали фокусы, надували грелку... Собрался весь поселок, смеялись, аплодировали, подпевали. В 2008 и 2009 гг. мы жили в домах, где не было запоров на дверях, в одном из них в холле были выбиты стекла, но мы ничего не боялись.

В 2022 же году не только ночью, но и днем, как казалось, небезопасно было появляться в некоторых частях поселка, причем не только нам, но и местным людям. Наши родственницы избегали определенных улиц, где живут такие-то (фамилии сознательно не упоминаем). После проведения церемонии “открытия дома” были сняты запреты на громкую музыку и на увеселительные мероприятия. Музыка, с почти невыносимыми децибелами зазвучавшая (и по ночам) в домах, производила ужасающее впечатление – в отличие от прежней, мелодичной и красивой, преимущественно гавайской и латиноамериканской. Уверяем, что это суждение не имеет ничего общего с поговоркой “о вкусах не спорят”, у авторов статьи весьма разные музыкальные пристрастия. В один из вечеров ожидался большой концерт приглашенной из города рок-группы, однако, выйдя из дома в сумерках и присмотревшись к обстановке на улицах, мы не решились идти в назначенное место. Не пошли туда и люди, принадлежавшие к близким нам семьям.

Сильно отличались от прошлых (у нас имеются видеозаписи, сделанные в 2005 и 2008 гг.) и церемонии “открытия дома”. В 2022 г. в них участвовало чуть ли не на порядок меньше людей, чем в прежних, двигались они, как в замедленной съемке, – видно было, что порой они не могут вспомнить слова песен, движения танцев, последовательность обрядов. Среди исполнительней и зрителей были явно нетрезвые люди, чего не случалось в прежние годы, хотя в настоящее время в поселке действует “сухой закон”, а в 2005 г. его еще не было. Алкоголь привозится и продается подпольно в изрядном количестве. Упомянем попутно, что за ввоз спиртного в Аурукун полагаются огромные штрафы или даже тюремное заключение. Однако существует немало хитроумных способов его доставки. Скажем, по реке на лодках ночью привозят из временных хранилищ, а иногда просто на машинах, а чтобы въезжающие в Аурукун машины не

обыскивала полиция, в поселке имитируется большая драка, отвлекающая всех наличных полицейских.

На воскресные церковные службы (мы не пропустили ни одной) приходили лишь единицы, в основном англо-австралийцы и несколько немолодых аборигенов и аборигенок. А в прежние годы церковь бывала полна, особенно на вечерних богослужениях. Участвовало тогда и немало молодых людей. Теперь же, как нам сказали, “молодые больше верят в колдовство и вредоносную магию”. Возродилась и даже расцвела “темная мистика”.

Однако церковь наполнялась почти до отказа в дни похорон и поминальных служб. Создавалось впечатление, что энергетика, сопряженная со смертью жителей поселка, “ушла” из церемоний “открытия дома” и переместилась в церковь. И не в одном Аурукуне. Нам встретилась заметка священника из общности нунгар (Западная Австралия) под названием “Церкви аборигенов перегружены похоронами” (*Kickett n.d.*).

Похороны – это события, сплывающие людей более, чем любые другие. К ним долго готовятся. В поселок съезжаются родственники и друзья отовсюду. Сценарий службы тщательно разрабатывается. Выпускаются особые брошюры с портретом умершего на обложке. В них приводятся тексты из Писания, псалмы и молитвы, расписана последовательность обрядовых действий и указаны роли участников: кто, когда и какие тексты зачитывает, какие псалмы и молитвы исполняет, когда присутствующие стоят, когда сидят, когда подходят проститься с умершим, когда и как процессия отправляется на кладбище. Церемония сочетает в себе музыкальные и песенные традиции аборигенов вик с пресвитерианскими канонами.

Мы побывали на двух похоронах и были потрясены накалом чувств и поистине мощным единением, сплоченностью, слаженным поведением всех участников обрядов. В первом случае хоронили женщину, умершую в 35 лет, во втором – мужчину, ушедшего из жизни в 57 лет. Обе смерти – по болезни. Особенно сильное впечатление оставила вторая церемония. Покойный был музыкантом и художником, известным не только по всей Австралии, но и за ее пределами, его картины выставлялись во многих европейских странах, сам он немало путешествовал вместе с выставками, в которых участвовал. Людей, собравшихся в церкви (от мала до велика), было не узнать. Царил дух возвышенной торжественности и глубокого общего горя. Лучшая одежда, чуть ли не вечерние платья на женщинах, тщательно уложенные волосы (специально распрямленные, чтобы кудри не торчали), изысканные прически, гладкие блестящие головы, как на международных соревнованиях по бальным танцам. Мужчины, подобно артистам московского театра “Ромэн”, в шелковых рубашках с пышными рукавами, голубых и бирюзовых. “Он был художником, – пояснили потом для нас, – любил яркие краски, и потому мы надели все яркое, он любил именно бирюзовый и голубой!”. Замечательно ухоженные, вымытые и тщательно наряженные дети. Маленький годовалый малыш в белой рубашечке с черным бантом, черные штанишки на бретельках, ботиночки, хвостик на макушке... Дети свободно бродят по церкви, но чуть кто из них закричит или заплачет, ближайший взрослый берет его на руки, утешает, пестует на коленях, потом несет родным, всякий взрослый следит за детьми, не разбирая, чьи они... Поят водой или соком, у кого что найдется. И даже собакам доступ на церемонию не заказан. Приходят, укладываются под лавками, их гонят, если только они нарушают благолепие. То, как люди поют, как рыдают в голос, как склоняются над гробом, не опишешь, но комок в горле не отпускает! Катарсис. А главный – пронзительный – энергетический посыл: “Мы единый народ, мы сами по себе, вы нас не переделаете на свой лад, мы такие, мы вместе, мы такими и будем впредь!”

### О том, в чем есть смысл, и о том, в чем смысла нет

В “белой” – обывательской – Австралии только ленивый не сетует на то, как ленивы аборигены, на которых “уходят огромные деньги налогоплательщиков”. А порой даже профессиональные антропологи осуждают аборигенов за то, что они “не хотят продавать свою рабочую силу” (Peterson 2015). Да, в основном не хотят. И, быть может, в этом есть смысл.

Начать хотя бы с того, что в удаленных от городских центров поселках не слишком много возможностей для трудоустройства. А жить в городах или крупных англо-австралийских селениях и не желают, и не могут даже те аборигены, которые получили неплохое образование: самых способных юношей и девушек после средней поселковой школы бесплатно направляют в колледжи в Кернсе, они с успехом заканчивают их и едут назад в родные Аурукун, Напанум или Пормпурау, где полученному образованию, как правило, нет применения. Глубокая привязанность к родным людям и к земле предков – самая устойчивая черта тех коренных австралийцев, которых нам удалось узнать. В сущности, в отрыве от привычного с детства социального окружения, родного языка и дикой природы они заболевают, маргинализируются, гибнут и духовно, и физически.

К тому же аборигены не любят делать то, что их не увлекает, будь то тяжелая физическая работа (в качестве грузчиков, дорожных рабочих, шахтеров на близлежащих горнодобывающих предприятиях и др.) или какая-нибудь конторская офисная служба (это им очень скучно, хотя они быстро осваиваются с компьютерами и иными передовыми технологиями). А кроме того, регулярный, ежедневный, многочасовой труд ради жизнеобеспечения (не говоря уже об обретении материального достатка) лишен смысла для тех, кто все еще сохраняет этос охотников, собирателей, рыболовов. Их этос был воплощенным идеалом умеренности (см. напр.: Sutton, Waleshe 2021): добывать ровно столько, сколько нужно для удовлетворения скромных материальных потребностей, затрачивая при этом минимум усилий и прилагая максимум смекалки. Их этика труда и досуга была противоположна англо-австралийской, протестантской. Она такой во многом и остается, однако приобретает порой уродливые, извращенные формы – в силу объективных условий, в которых они вынуждены жить.

В сущности, именно этос охотников, стремящихся к минимизации усилий и риска (Peterson 1993), побуждает не охотиться, когда доступны более легкие и менее опасные способы добытия жизненно необходимого. Парадоксально, но факт. Поэтому – при небольших денежных поступлениях в виде социальных выплат – люди сплошь и рядом оказываются куда хуже обеспеченными едой и иными нужными им вещами, чем это было бы, если бы они продолжали регулярно охотиться, собирать дары леса и рыбачить. Но те же навыки и поведенческие установки охотников помогают терпеть лишения и довольствоваться минимумом. В своих богатых дичью и рыбой краях вик-мункан могли бы “жить с земли” в обстоятельствах “первоначального изобилия” (Sahlins 1972: 1–40), а вместо этого “ловят” деньги или “охотятся на деньги” (“fishing for money” or “hunting for money”) в “карточных кругах” (азартные игры на деньги). При этом было бы неантропологично видеть в карточных играх аборигенов просто развлечение. Они смотрят на игру как на дело, которое приходится делать среди многих прочих дел, направленных на добычу денег “здесь и сейчас”. Повторим уже приводившиеся в прежних публикациях слова одного из наших названных родственников, увы, ушедшего из жизни: “Завтра мы не увидимся. Завтра будут выплаты пособий, надо идти играть”. И последовало нечто вроде печального вздоха, мол, “что поделаешь!”

Люди “ставят на кон” небольшие суммы, но выигрыши порой доходят до десятков тысяч долларов. Удачливые игроки покупают (в местном магазине или

заказывают по интернету) холодильники, стиральные машины, велосипеды, компьютеры, телевизоры, музыкальную аппаратуру. Изредка – даже автомобили и моторные лодки. Но ничто из этих приобретений обычно не удерживается во владении “счастливчиков” надолго. Деньги моментально истрачиваются, вещи переходят из рук в руки, ломаются и выбрасываются. Валяются во дворах около домов, свозятся на свалки.

В предыдущих публикациях, посвященных вик-мункан, анализировались те формы, которые приняла их традиционная система тотальной взаимопомощи на фоне товарно-денежной экономики австралийского мейнстрима (см., напр.: *Артемова* 2016, 2018). Аккумуляция денежных средств индивидами или семьями, в том числе заработки, превышающие насущные потребности текущего дня, либо не могут быть мотивированы – все излишки, т.е. все, что сразу не потреблено, приходится отдавать тем, кто в этом нуждается или просто просит, ведь отказывать нельзя, это не по-родственному – либо могут способствовать разрыву родственных связей, фрустрации, социальной изоляции, конфликтам и другим негативным последствиям – если люди, имеющие что-либо в избытке, не желают делиться этим с родней (*Peterson* 2002, 2005, 2013).

Тоталитарная система циркуляции еды, вещей и услуг все еще в основном сохранна в Аурукуне и многих других селениях коренных жителей Австралии. Она все еще характеризуется рядом черт принципиального значения: обязанность давать и право получать присущи каждому, кто включен в родственную структуру; люди не ждут, что родственники будут угощать или предлагать свое достояние, они просят или требуют (*demand sharing* – термин Н. Петерсона, см.: *Peterson* 1993); “дающего не благодарят”, “дающий делает не более того, что он должен делать” (*Woodburn* 1998: 48); получатель вещей, еды, услуг не становится должником именно того, кто ему что-то дал или оказал какую-то помощь; обязанность отдавать и право получать “оторваны друг от друга” (*Ibid.*); получатель не предпринимает усилий, чтобы добыть больше еды или каких-то иных ценностей для возмещения полученного, а также не считает своим долгом оказывать услуги, аналогичные полученным, именно тому, от кого их получил. Индивид почти не обладает контролем над результатами своей работы, что удерживает его от наращивания трудовых усилий; равенство имеет решающее значение, а “угроза неравенства вызывает больше тревог, чем угроза голода” (*Ibid.*: 50). Низкая ценность – в социально-психологическом плане – любых материальных объектов, по сути, приводит к их “моральному обесцениванию” (*easy come, easy go*). В условиях присваивающей экономики все вышеперечисленное конструировало высоко адаптивную систему. Далее попробуем показать, как это “работает” сегодня.

Несколько близких нам жительниц Аурукуна получили хорошее образование в миссионерское время и прекрасно говорят, читают и пишут по-английски. Они служат переводчицами, или медиаторами, в ходе многочисленных судебных разбирательств, к которым привлекаются обвиняемые в различных правонарушениях аурукунцы младших поколений (многие из них плохо говорят по-английски, да и ведут себя строптиво, не хотят сотрудничать с правоохранительными органами). Работу медиаторов эти женщины выполняют с энтузиазмом и самоотверженностью, так как помогают попавшим в беду сыновьям, дочерям, племянникам, внукам. За нее им хорошо платят, но они почти всегда пребывают без денег и без необходимых в быту вещей, а порой и без еды. Все, что попадает к ним в руки, моментально расходуется среди родни, преимущественно молодой. Но эти женщины никогда не ропщут. Напротив, они любят весело и задорно рассказывать о том, как тратят свои деньги “на других”. Особенно хороши были рассказы Гарриет Путчеманка. Возможно, не все в них правда,

но и то, что она присочинила, выразительно свидетельствует о ценностях – и личных, и социальных.

Так, однажды ее пригласили в Кернс на “конференцию” (некое мероприятие, где нужен был медиатор, владеющий языком вик-мункан). Она жила в “ро-скошной” гостинице, а ее аурукунские родственники, “застрявшие” в Кернсе (прилетели развлечься и истратили все деньги, которые у них поначалу были, потому не могли купить билеты на самолет, чтобы вернуться в Аурукун), про то прознали (им из Аурукуна сообщили по мобильному телефону), взяли такси (минивэн) и большой компанией заявили к ней в отель. Ей звонит портье и говорит: “Вас родственники спрашивают, они приехали на такси, а расплатиться не могут”. Ну, она спустилась: там племянница, дети ее и еще какие-то родственники. Денег нет, голодные. Гарриет расплатилась с таксистом, но не отпустила его, говорит своим гостям: “Покажите, где живете”. Они все на том же такси поехали за город к какому-то ручью, на берегу ручья стояло девять палаток. Там еще много кто жил. У племянницы отдельная палатка. Дальше на том же такси поехали в супермаркет, купили массу еды для всех в этом лагере, всех накормили, и Гарриет сказала, что так жить нельзя, и сняла племяннице и ее детям номер в гостинице. А по возвращении в Аурукун потребовала, чтобы ее сестра, мать племянницы, послала дочери и внукам денег на перелет до Аурукуна. Нельзя их там было оставлять. Деньги были добыты и посланы, скитальцы прилетели в Аурукун. А палатку племянница продала какому-то мальчишке за 45 долларов. Он хотел заплатить 100, но племянница взяла только 45, что было правильно, хотя в палатке и было все новое, одеяла и белье. Мотив, когда за что-либо человеку предлагают крупную сумму денег, а он берет лишь половину или меньше, от “лишних” отказываясь, очень типичен для рассказов аурукунцев.

В том же импровизированном лагере, где обитали бесприютные и безденежные аборигены из разных поселков Кейп-Йорка, Гарриет заприметила “грязную” беспризорную девчущку (“тинэйджерку”) из Локхарта (селение аборигенов на востоке Кейп-Йорка), которая уже “абсолютно пропадала” там. Гарриет ее накормила, купила ей одежду и отправила в Локхарт. Девочка оказалась дочкой главы Локхартского Совета, а он приходит к Гарриет “казен-браз” (кросскузен: по классифицирующей номенклатуре, все аборигены Кейп-Йорка считают друг друга родственниками). Он потом в благодарность привез Гарриет черепашьего мяса. Она сидела на балконе в “прекрасной гостинице” и “уплетала” это мясо с рисом.

Еще был рассказ о том, как “казен-систер” уговорила Гарриет пойти в Кернсе в казино, там ей выпал джекпот. Она выиграла 5000 долларов, которые были потом весело истрачены в том же Кернсе с родственниками – на такси, еду и одежду. Все со вкусом перечислялось, что купили, что поели, куда и как ездили. Сестры рассказывали, что Гарриет любит играть в карты и часто много выигрывает, так как очень умна – “просто компьютер в голове”. Выигрыши тоже быстро растрачиваются на нужды или угощение родни.

Ну и, наконец, был рассказ Гарриет о том, как после смерти ее “дефэкто” к ней в дом пришли его ближайшие родственники. По обычаю, они выстроились в ряд, а она каждому что-то дала: рис, муку, мясо – всякую еду. После этого она считается свободной, как бы “выкупила себя”. Могла бы снова найти партнера. Но лучше того, кто ушел из жизни и с кем она прожила счастливо более 30 лет, не может быть. Она навсегда останется одна. Никого другого не надо.

Среди занятий, которым многие вик-мункан готовы отдавать силы и время, в числе главных – живопись и художественная резьба по дереву. Работы некоторых выдающихся мастеров порой продаются в художественных салонах страны и за ее пределами за сотни и тысячи долларов. Но высокие гонорары – в силу

указанных выше обстоятельств – не делают прославленных аурукунских скульпторов и живописцев людьми состоятельными, они обычно так же нуждаются в самом необходимом, как и все остальные коренные австралийцы в Аурукуне.

В поселке имеются две конкурирующие структуры – арт-галереи, управляемые англо-австралийскими менеджерами. Там созданы условия для творчества всех желающих и туда принимаются уже готовые произведения, если менеджеры, руководствуясь определенными критериями, приписывают им художественную ценность. Обе галереи буквально ломятся от избытка картин и скульптур, в которые вложен огромный кропотливый труд, но их создатели могут получить деньги за свои творения, только если эти творения купят в каком-либо из фешенебельных городских салонов или продадут богатым ценителям искусства через специальные интернет-сайты. Ни того, ни другого зачастую не происходит годами. А люди рады были бы не тысячам, не сотням, а всего лишь десяткам долларов, но сразу, “здесь и теперь”! Однако продавать самостоятельно то, что они создали, им запрещено (во избежание обесценивания художественной продукции). А всем приезжающим в Аурукун (в том числе этнографам) возбраняется под угрозой высоких штрафов покупать местные изделия непосредственно у творцов. Так что художники много работают и почти ничего не зарабатывают. Тем не менее немало аурукунцев находит в такой работе смысл.

В большинстве удаленных от городских центров поселков Австралии аборигены с энтузиазмом, знанием дела и самоотдачей выполняют работу рейнджеров – лесников, охранников заповедников, заботящихся об экологическом благополучии родовых земель. Работа эта неплохо оплачивается.

К числу осмысленных занятий, конечно же, все еще относятся рыболовство и, реже, охота. Однако и то, и другое традиционно было адаптировано к мобильному образу жизни. Около стационарного поселения рыбачить и охотиться бессмысленно, нужен транспорт, чтобы отъехать хотя бы километров на 20. У многих жителей Аурукуна сегодня есть автомобили, но они далеко не всегда исправны и далеко не всегда у владельцев есть деньги на бензин. Охота, кроме того, требует оружия. Для огнестрельного оружия нужна лицензия, которую аурукунцам в условиях высокой конфликтности получить весьма проблематично. Изготовление копий в современных обстоятельствах противоречит принципу минимизации усилий. Поэтому в обиход вошла охота с собаками, которые травят дичь. Раньше этого не было. Собак, адресированных на охоту, в отличие от остальных четвероногих, кормят, поят, ласкают. Но все же охотятся эпизодически, хотя и с воодушевлением. Помним, что весь день нещадно палит солнце, температура воздуха – 38 градусов по Цельсию (или больше) и влажность – под 80%. Мы дважды (в разные дни) стали свидетелями возвращения молодых ребят из семьи Путчеманка с удачной охоты на эму (Рис.6) и на дикую свинью (в лесах вокруг Аурукуна водится много завезенных некогда из Евразии и теперь одичавших животных). Это было впечатляюще! Четверо молодцов и пять собак в одной выдавшей виды машине, за рулем – парень со сломанной рукой (в гипсе), и мертвое животное на крыше. Все радостно гикают. Обе добычи были освежеваны у нас на глазах (мы в это время вместе с женщинами из той же семьи ловили рыбу на берегу реки Уотсон), потом доставлены на машине в поселок и зажарены традиционным способом – в земляной печи. Нам говорили, что любой житель поселка мог прийти вечером к дому охотников и получить порцию мяса.

Рыбу ловят чаще – и мужчины, и женщины, и подростки. Крючком с леской, не сетями. А прежде били копьём, стоя в лодке. Ввиду изобилия в реках огромных эстуарных крокодилов весьма опасное это было занятие, хотя и теперь, когда ловят с берега, крокодилов боятся. Каждый ловит ровно столько, чтобы по-



**Рис. 6.** Берг Путчеманка и Бенджамен Путчеманка после удачной охоты на эму. Берег реки Уотсон близ Аурукуна. Октябрь 2022 г. (Фото Ю.А. Артемовой)

есть самому и накормить малых детей, ни на одну штуку не больше. Разводится общий костер, но пойманную рыбу каждый жарит на углях тоже только для себя и детей. Взрослых никто не угощает. Мы привозили на эти пикники-рыбалки еду для всех, но рыбы нам не предлагали (принимающий дары, как помним, не становится должником), а сами мы не слишком преуспели в искусстве рыбной ловли. Надо было бы просить, чтобы с нами поделились, но мы стеснялись, привычки своей культуры пересиливали, да и всегда казалось, что улова мало-мало и что аборигены постоянно недоедают.

Интересные преобразования произошли и с собирательством. Фрукты и овощи покупаются в магазинах, за плодами в лес теперь никто не ходит, но женщины при каждой “вылазке” из поселка усиленно собирают семена эндемичных растений. Горнодобывающие компании, уничтожившие ради извлечения бокситов многие гектары леса к северу от Аурукуна (там теперь десятки километров красной бесплодной глиняной пустыни, напоминающей кадры из знаменитого фильма Г. Данелии “Кин-дза-дза!”), имеют обязательство в дальнейшем восстановить растительность. Поэтому они покупают будущий “посадочный материал” у местных аборигенов за хорошие деньги.

Одно из самых увлекательных занятий для этнографа в поселках аборигенов состоит в том, чтобы пытаться “узнавать” в поведении людей, оперирующих предметами современного постиндустриального быта, черты традиционной культуры “оппортунистических фуражиров”. В этом словосочетании нет ничего обидного для аборигенов, это калька с “антропологического” английского, в котором принято употреблять одно слово *foragers* вместо трех (охотники, собиратели, рыболовы), а словом *opportunistic* – обозначать виртуозное умение быстро реагировать на изменение ситуации, изобретательно пользоваться

внешними обстоятельствами и легко относиться к любым неудачам. Для людей такой культуры все, что их окружает, – “дающая или дарующая среда” (Bird-David 1990, 1992), в ней заключены неисчерпаемые возможности извлекать пользу. В условиях аккультурации в “дарующую среду” оказался включенным белый человек и даже “не вполне белый” этнограф, у которого явно есть больше вещей и денег, чем ему нужно “здесь и теперь”. А если тот, к кому обращаются с просьбой, не родственник, то нет и никаких отрицательных эмоций: неловкости у просителя или обиды, разочарования у встретившего отказ. Создается впечатление, что поиск того, кто “купит мне” бутылку колы, пачку печенья или гамбургер, даст немного денег, несколько сигарет, кусок мыла или насыплет стирального порошка в пластиковый стаканчик (и т.п.), – это не столько удовлетворение потребностей, сколько занятие, аналогичное собирательству, дело, которым можно заполнить пустоту.

Однако в качестве родственников нам нередко приходилось откликаться и на вполне насущные нужды наших аурукунских помощниц. Им постоянно требовались деньги на так наз. электрические карточки. Вся “неаборигенная” Австралия платит за электроэнергию так же, как и мы в России. Дома же аборигенов, которые, разумеется, не станут оплачивать квитанции, снабжены особыми устройствами. В них надлежит вставить пластиковую карточку, на которую “положены деньги” (это делается в магазине). Мы выяснили, что с карточки “съедается” примерно 12 долларов в сутки, если не очень интенсивно пользоваться электричеством. Но это не про аурукунцев. Значит, около 50 долларов за трое суток. Если деньги на карточке исчерпались, то какое-то время пользование продолжается, но уже значительно дороже и образуется долг, а потом происходит отключение. Чтобы возобновить снабжение, надо погасить ростовщическую заложенность и добавить денег на новый период.

Социальные выплаты, на которые в основном живут аборигены, составляют от 400 до 600 долларов в две недели. Из них не менее 150 уходит на электричество, а надо еще аренду за дом платить – кажется, около 100 долларов в месяц. Вот и получается, что наши аурукунские сестры и их семьи все время живут под страхом отключения электричества или же без него. А это значит: ни чайник вскипятить, ни яйцо сварить, ни свет включить (темнеет в шесть вечера). Фен-веер в потолке не крутится, кондиционер не работает... Остается только одно – ночью развести костер на дворе и сидеть около него до пяти утра, чтобы комары “не заели”. Иногда люди вытаскивают выдавшие виды матрасы во дворы и пытаются спать там. Ядовитые змеи, пауки и “плохие” соседские “мальчишки” весьма вероятны. Бессонные ночи, скученность, недоедание...

В 2022 г. у нас создалось впечатление, что самая страдающая, самая уязвимая часть населения Аурукуна – это старые женщины (старых мужчин там, как уже говорилось, нет). Они, по крайней мере некоторые из них, оказываются вынужденными отдавать свои денежные пособия младшим родственникам и выживать как придется. В сущности, они предоставлены сами себе, порой им негде “приклонить голову”, они ночуют то в одном доме, то в другом и нигде не находят покоя и отдыха, так как повсюду скученность, скандалы, драки. Незадолго до нашего отъезда из Аурукуна одна из самых влиятельных в прошлом активисток, восьмидесятилетняя вдова выдающегося борца за земельные права вик-мункан, выступила в церкви с горькой речью о своей невыносимой жизни в поселке и о твердом решении навсегда покинуть Аурукун, никому не сообщать, куда она оправится, и порвать все отношения с родней. Такого не было ни в 2005, ни в 2015 г. Тогда о стариках заботились. Добавим, что в Аурукуне имеется дом престарелых, но далеко не все старые аборигенки хотят туда идти. В основном они предпочитают бесприютную, голодную, но свободную жизнь.



В сказанном, как и во многом другом, что мы наблюдали в Аурукуне в 2022 г., можно усмотреть спонтанную, скорее всего даже не рационализируемую, по крайней мере, никак не артикулированную в местном идеологическом дискурсе, ревитализацию поведенческих стереотипов домиессионерского времени, которые в существующих обстоятельствах часто оказываются весьма деструктивными. С наибольшей очевидностью это проявляется при межклановых, межсемейных и внутрисемейных конфликтах.

Вик-мункан, вик-натан, вик-алкан и другие представители вик-говорящих коренных австралийцев всегда славились своей воинственностью, бойцовскими навыками и кодексом мужской воинской чести. Есть основания полагать, что именно воины вик воспрепятствовали высадке голландцев на побережье Кейп-Йорка близ Кейп Кивер<sup>7</sup> в 1606 (знаменитая экспедиция “открывшего” Австралию Виллема Янзона) и тем самым, быть может, более чем на 200 лет задержали европейскую колонизацию на своей земле (*Horton 1994: 1179*). То была культура, в которой вооруженное насилие занимало почетное место. Опирающееся на регулярную армию, полицию и пенитенциарную систему миссионерское правление первой половины XX в., казалось бы, положило этому конец. Но не наблюдаем ли мы сегодня эффект отпущенной пружины, многократно усугубляемый пристрастием людей к алкоголю и наркотикам? Как ни уродливо, ни жестоко, как ни криминально поведение представителей враждующих группировок, семей и индивидов в нынешнем Аурукуне (и далеко не в нем одном), это все же деятельность, которая имеет сразу несколько смыслов для ее участников и в которой они самоорганизуются без всякого контроля извне, вопреки ему, пожалуй, даже “в пику ему”. Это и насыщенное социальное взаимодействие, и накал эмоций, и в известном смысле спорт или игра.

Традиционное лидерство, сопряженное с религиозной обрядностью, в первую очередь с инициациями юношей, ушло, но развилось новое лидерство – в “гангстерских” группировках. По словам сведущих антропологов, возглавляют их молодые мужчины, получившие образование в городских колледжах, умные и талантливые, потому особенно опасные. На смену временной изоляции подростков и юношей от основного сообщества в периоды традиционных мужских инициаций пришла временная изоляция в мужских тюремных камерах, куда попадает чуть ли не каждый молодой человек из Аурукунa (конечно же, не только из него) и где “опытные” старшие просвещают младших и “натаскивают” их определенным образом. Побывать в тюрьме считается у аурукунских юношей чуть ли не обязательным, и они специально стремятся совершить такие правонарушения, за которые полагается тюремный срок, но срок небольшой, чтобы можно было вскоре вернуться домой, уже в “новом качестве”.

Организационная сторона “криминальной” деятельности, как и “криминальное” лидерство, окутаны строгой секретностью, так что тайна, “эзотерические” знания и “эзотерическая” активность, которые всегда были сердцевинной мужской культуры аборигенов, тоже находят себе некую нишу в новой реальности. “Непосвященные”, женщины и дети, относятся к “ристаллицам” молодежи (молодые женщины в них тоже иногда участвуют) не только со страхом и порицанием, но и с известным интересом, и с сочувствием. Они “принимают стороны”, детально и эмоционально обсуждают драки и их последствия, поддерживают “своих”, ненавидят “врагов”. Как-то утром к нам пришла одна из сестер Путчеманка (весьма пожилая женщина) и сообщила, что “мальчики” ее семьи всю ночь дрались с “мальчиками” из семьи В.: «Эти В. очень плохо воспитаны, дикие совсем, приходят драться к хорошим мальчикам Путчеманка, просто нагло приходят к дому и вызывают на бой. Мальчики Путчеманка – страдающая сторона, в недавнюю ночь полиция без вины, конечно, арестовала двоих из них

и посадила в клетку (“ту зе сел”). Полиция – это безбожники, не христиане совсем. А накануне мальчикам было видение: Христос на облаке со стигмами на руках и на ногах, а кто-то еще у реки видел, как Христос по воде идет... А мы, все Путчеманка, вся наша семья, никогда не простим этих В. Мы им сегодня так и объявили: “Никогда, никогда вас не простим!”». При этом глаза ее грозно сверкали из-под седой кудрявой челки. Ну как тут было не вспомнить миф этнокультурной общности юалайи (юго-восток Австралии) из собрания К. Лангло-Паркер (записывалось в конце позапрошлого столетия). В нем один из персонажей говорит поверженному врагу: “Так я всегда буду мстить твоему вероломному роду, а мой народ будет вечно питать к вам ненависть. Приятно видеть мертвым своего врага” (*Лангло-Паркер* 1965: 145–146).

“Вызываем вас на честную драку” – вот рефрен множества рассказов о том, как инициируются столкновения, неслучайно названные выше ристалищами. Не принять вызов – расписаться в собственной трусости. На это в Аурукуне мало кто из мужчин решится пойти. Это страшнее ранений или даже гибели. Вот и получается, что, как признался один из юношей в интервью, данном kernскому журналисту, деваться некуда, не драться нельзя, а если дерешься, то “либо оказываешься бит и попадаешь в больницу, либо побеждаешь и попадаешь в тюрьму”. Или и туда, и туда одновременно (Rieter’s Insight 2021).

В традиционных условиях аборигены нередко устраивали групповые и парные поединки, в которых стремились и умели избежать фатальных исходов. Создается впечатление, что стремятся и теперь. За два года почти еженосных, а то и ежедневных столкновений погибли два человека (причем один – в Кернсе при не совсем ясных обстоятельствах, а подросток, совершивший убийство в Аурукуне, явно не хотел этого: будучи чрезвычайно напуган, он не соображал, что делает). В ответ на наше замечание, что два убийства – это гораздо меньше, чем, казалось бы, могло быть при такой высокой частоте конфликтов, один из знакомых антропологов воскликнул: “Будь у них огнестрельное оружие или хотя бы копья, жертв было бы очень много!”. Но на это можно возразить: аборигены умеют добывать то, что им требуется, даже рискуя жизнью или хотя бы свободой. Умудрялись бы, если бы ставили такую цель, и оружие доставать. Но, быть может, они не хотят убивать? Иногда они используют в своих драках игрушечные луки и стрелы (заказывают в интернет-магазинах и получают по почте), а также рогатки. Раньше, в доколониальное время, вик-мункан луков не употребляли и даже, наверное, о них не знали.

В прежних публикациях приводились слова одного из жителей Аурукуна, которого давно уже нет на свете. Он был добрым и интеллектуальным человеком, настоящим интеллигентом, О.Ю. Артемова звала его про себя “аурукунским доктором Чеховым”. Эти слова уместно будет еще раз повторить здесь. Он произнес тихим и грустным голосом: “Хуже всего то, что наши дети растут совершенно неуправляемыми, просто дикими”.

Дети, о которых он говорил в 2007 г., имея в виду прежде всего поколение внуков, теперь стали взрослыми мужчинами и женщинами: судьбы многих из них изломаны, некоторые безвременно ушли из жизни, некоторые не могут приспособиться к ней и найти такое дело, какое бы их удовлетворяло. Однако их растили бабки и деды, получившие сразу два “комплекта” моральных ценностей: традиционный (от родителей, проводивших большую часть жизни в “буше”) и христианский (от миссионеров). И те, и другие ценности органично сочетались в людях того поколения. Они имели реальный авторитет в поселке. К сожалению, они почему-то не смогли вырастить столь же влиятельных сыновей и дочерей. Возможно, испытав глубокую растерянность по завершении “миссионерской эры”, при ломке привычного, казавшегося незыблемым,

режима, они не сумели передать следующему поколению навыки и установки, которые обеспечивали бы адаптационную устойчивость, психологическую и физиологическую закалку и, главное, способность внушать уважение младшим и руководить ими. Но хочется надеяться, что наступит время, когда заложенное дедами и бабками само пробудится в душах тех, кому удастся уцелеть в столь непростой аурукунской реальности. Ведь каждый из нас, кто “перевалил на шестой десяток”, совершенно непроизвольно начинает все чаще вспоминать то, что говорили и что делали “бабушки” и “дедушки”, все лучше понимать, почему они так говорили и так поступали, все чаще думать и делать, как они.

Вспоминается эпизод из последнего “поля”. Во время рыбалки у одной из нас никак не получалось правильно закинуть в реку леску с крючком. Подошел молодой мужчина (О.Ю. Артемова помнит его и малышом, и подростком), спросил: “Помочь? Хотите, я спою магическую песню, которую мой дедушка пел, чтобы рыбка ловилась?” Забросил снасть и спел вполголоса. А деда его О.Ю. Артемова знала, он был тем, по ком каждый день скорбит ее сестра Гарриет Путчеманка.

### Заключительный параграф

Итак, по полевым наблюдениям, которые теперь уже можно назвать лонгитудными, у нас создалось впечатление, что в поведении тех современных коренных австралийцев, с кем нам довелось взаимодействовать, отчетливо проступают, пусть в искаженном и модифицированном виде, многие черты доколониальной культуры. Это крепкие родственные связи, стереотипы взаимопомощи, умеренность, скромность материальных запросов, стремление к имущественному равенству в сообществах, установки трудовой этики, минимализирующие усилия и риски, приверженность художественным, эмоционально и интеллектуально захватывающим занятиям, отголоски традиционной “культуры войны”, привязанность к родной земле, глубокое почтение к смерти и пронзительная, непостижимая для нас по интенсивности и накалу, скорбь об умерших. Частично эти старинные традиции в современных обстоятельствах оборачиваются против их носителей, а частично помогают сохранить “дух”, или этос, своего древнего народа.

«Белые люди, – говорил в 2007 г. тот же “аурукунский доктор Чехов”, – хотят, чтобы мы стали такими же, как они, но мы не можем, просто не можем, и все». А выдающийся австралийский антрополог, Дональд Томсон, совершивший в конце 1920-х годов героические экспедиции в Северо-Восточный Арнемленд, чтобы найти способ урегулировать жестокий конфликт между неаккультурированными еще тогда аборигенами и англо-австралийскими властями, писал: “Я думаю, что мы должны всегда помнить следующее: стремясь сделать из этих людей черных белых, мы приносим им самое большое из возможных зол...” (Thomson 2003: 186). Похоже, что сами аборигены это хорошо понимают и сопротивляются, как могут. Более того, они, похоже, сознательно или бессознательно следуя тому, что Грегори Бейтсон назвал *схимогенезисом* (Bateson 1935), культивируют стереотипы поведения и идеологические установки, которые отличают их от типичных представителей современного австралийского мейнстрима. Развивая идеи Бейтсона, Дэвид Гребер и Дэвид Уингроу, авторы нашумевшей сравнительно недавно книги “На заре всего. Новая история человечества”, так писали об этом культурно-дифференцирующем социально-психологическом механизме, действующем, в частности, в условиях колонизации: желая подчеркнуть свои отличия от недавних пришельцев, люди “будут почти что с неизбежностью стремиться вести себя противоположно, выбирая

определенные контрастирующие черты своей культуры, идеализируя и усиливая их, они в конечном счете будут стараться настолько мало походить на своих новых соседей, насколько это только им удастся” (*Graeber, Wengrow 2021: 67*).

А некоторые современные австралийские писатели и публицисты, связывающие свое происхождение с определенными этнокультурными общностями коренных жителей страны, настойчиво артикулируют культурные преимущества “цивилизации” аборигенов и призывают новых, “вторых” австралийцев поучиться нравственности и мудрости у австралийцев “первых”<sup>8</sup> (напр.: *Pascoe 2014; Scolaro 2018; Yunkaporta 2020*; и др.)

О причинах трагических процессов, которые наблюдаются сегодня в удаленных от городских центров сообществах аборигенов, напряженно думали и думают лучшие умы Австралии. Этому посвящена обширная литература, которую нет возможности анализировать здесь (одна из самых важных книг: *Sutton 2009*). Однозначного ответа, как и согласия между антропологами, нет. Культура аборигенов и культура англо-австралийцев, как нам представляется, до такой степени различны, что не могут гармонично сосуществовать. А меняться, приспосабливаться друг к другу отчасти не способны, а отчасти упорно не желают ни представители первой, ни представители последней. Побеждает же сильнейший, и потому положение аборигенов, стремящихся сохранить себя в качестве народа, живущего на исконной земле согласно своим идеологическим ценностям, представляется не просто бедственным, но – на текущее время – *безысходным*.

С неизбежностью встающий вопрос о “рецептах спасения” не находит у авторов этой статьи даже и столь относительно оптимистичных ответов, которые содержатся в предшествующих публикациях блока. Возможно, пребывающие сегодня в бедственном, как констатируют исследователи, положении эвенки, эвены и другие представители КМНС России и смогут в будущем приобщиться к достижениям цивилизации в целях последующего “перехвата инициативы в освоении богатств своей собственной земли”, потому что экономическая активность такого рода всегда представляла для них немалую ценность и у них давно развились коммерческие навыки и коммерческие интересы. Успешная хозяйственная деятельность с кооперацией усилий и освоением новейших технических средств, стремление к благосостоянию и достижению современного уровня комфорта способны будут привнести новые жизненные смыслы. Но такой сценарий вряд ли возможен для австралийских аборигенов тех районов, в которых побывали авторы этой статьи. Материальное благосостояние не является ценностью для коренных австралийцев удаленных поселков и не может превратиться в жизненную цель. Им требуются иные основы для социального взаимодействия и созидательных занятий. Эти основы должны предполагать глубокую эмоциональную и интеллектуальную вовлеченность на коммунальных, родственных началах. Еще в 2015 г. авторам этой статьи казалось, что никакие исследователи, никакие гениальные умы не придумают, как достичь этого в условиях австралийского капиталистического мейнстрима, но теплилась надежда, что это смогут сделать сами аборигены. В 2022 г. и такая слабая надежда почти угасла. Мы настойчиво расспрашивали англо-австралийских коллег о том, есть ли среди поселений аборигенов такие, где людям “жить хорошо” и где они заняты каким-либо плодотворным созиданием. Один из коллег сказал, что знает маленькое поселение в Арнемленде (там жизнь концентрируется вокруг успешного художника), а также несколько рейнджерских артелей в разных местах (рейнджеры в Австралии – это аналоги наших лесников). Другой же коллега печально покачал головой и произнес: “Нет. Ничего такого вы в Австралии не найдете”.

Возможно, следующие ниже рассуждения покажутся наивными и утопичными. Не только потому, что общее социально-психологическое состояние мейнстримных сред, как австралийской, так и российской, отнюдь этим рассуждениям не соответствует (см. напр.: Kowal 2015), но еще и потому, что в обеих странах сформировались индигенные элиты, которые, с одной стороны, уже “страшно далеки” от того страждущего народа, о котором мы пишем, а с другой – претендуют на решающую, определяющую роль в государственной политике по отношению к нему. По крайней мере, в Австралии дело обстоит именно так. По словам австралийских антропологов, многим представителям индигенной элиты, живущим в крупных городах и занимающим бюрократические посты в различных административных структурах, не свойственна реальная забота о благе жителей поселений, подобных Аурукуну (ср.: Peterson 2022: 7–10) но при этом они стремятся либо вообще отстранить белых интеллектуалов, прежде всего антропологов, и от практической, прикладной, и даже от научной работы, связанной с коренным населением страны, либо жестко контролировать направление и тематику такой работы. Как сказал один из коллег, скоро в Австралии не останется белых антропологов, занимающихся проблемами коренных австралийцев.

Между тем представляется, что именно имеющие *классическое* антропологическое и лингвистическое образование представители мейнстримной культуры, исполненные самоотверженности и доброй воли, могли бы “помочь горю” в таких местах, как Аурукун. Самим аборигенам там под силу сохранять некоторые традиционные культурные ценности, но не под силу построить на их основе здоровое, трудовое и духовно удовлетворяющее жизнеобеспечение. Для этого требуются преданные помощники, готовые выполнять роль медиаторов между культурными средами. Европейская цивилизация вторглась в жизнь коренных австралийцев (а российская – в жизнь эвенков, эвенов и других малочисленных коренных народов Сибири) и безжалостно поломала ее, а теперь долг, обязанность именно этих “цивилизаций” – пытаться исправить и возместить то, что еще можно исправить и возместить. При этом вряд ли стоит бояться “испортить” аборигенов или эвенков культивированием у них иждивенческих настроений и элиминированием тем самым у них собственных созидательных порывов. То плохое, что для них можно было сделать, уже сделано. А вот искать пути и средства помочь – необходимо. Нужна добрая и сильная воля реально заинтересованных людей, необходимо для начала, чтобы хотя бы выполнение великого множества пафосно звучащих государственных и общественных программ и проектов тщательно контролировалось надежными посредниками, а не ограничивалось красивой рекламой и пространной отчетностью, как это нередко происходит. Нужно то, что, обращая мыслью к самым славным страницам в истории русской интеллигенции, правильно было бы назвать “хождением в народ”.

В известном смысле миссионерская деятельность в Австралии и колхозное строительство (усилиями партийных деятелей и специалистов, направленных из городских центров) были “хождением в народ”. И неслучайно современные аборигены вспоминают о миссионерском времени как о времени “самом счастливым” (слова Гарриет Путчманка), а эвенки и эвены с ностальгией говорят о колхозной эпохе. И с аборигенами, и с эвенками тогда обходились с немалой, причем сплошь и рядом бессмысленной, жестокостью, но не было того безразличия, или еще хуже – хищничества, с какими они постоянно сталкиваются теперь. До них, что называется, “было дело” тем пришлым людям, которые с ними жили бок о бок десятки лет и в немалой степени реально заботились о них. Однако и в том, и в другом случае ставилась задача переиначить жизнь

“коренного народа” в соответствии с тем, как это требовалось “проводникам цивилизации и прогресса”, христианских или социалистических ценностей, а на деле зачастую – карьеристам всевозможных мастей и радетелям “объективных” экономических нужд господствующих систем. Залогом же действительного успеха могло бы стать стремление помочь коренным жителям сибирской и австралийской глубинок переустроить жизнь так, чтобы это удовлетворило именно их, и не останавливаться при этом ни перед затратами государственных средств, ни перед коммерческими потерями частного предпринимательства, а также не смущаться одиозным звучанием слова “патернализм”.

В сравнительно недавней истории австралийских интеллектуалов, в первую очередь социальных антропологов, тоже были славные страницы “хождения в народ”, когда предпринимались героические усилия, чтобы воплотить в жизнь идеи, близкие к тому, о чем мы написали выше. Это было вдохновенное антропологами в 1970–1980-х годах, но совершенно добровольное, подхваченное аборигенами с энтузиазмом, движение “децентрализации”, т.е. переселение семей или небольших родственных групп аборигенов из крупных поселков, таких как Аурукун, “в буш” – на традиционные “родовые” угодья – и возвращение к традиционным способам жизнеобеспечения с использованием при этом ряда технических достижений “цивилизации”. Антропологи, такие, как, например, Питер Саттон (он одновременно и лингвист) или просто люди с хорошим образованием, такие как Дэвид Мартин (он тогда был инженером, а антропологом стал позднее) были адоптированы в семьи аборигенов и годами жили с ними во “внешних поселениях”. Охотились вместе с ними, ловили рыбу вместе с ними, стояли дома вместе с ними, растили своих детей вместе с детьми аборигенов. Как говорила одна из ушедших из жизни сестер Путчеманка о Дэвиде Мартине, “он ел то же, что и мы ели, он спал там же, где и мы спали. Мы вместе радовались и вместе плакали”. А Питер Саттон вспоминал о том, сколько убитых свиней он выпотрошил “вот этими руками”, и о том, как на тридцативосьмиградусной жаре вместе с братьями-аборигенами “вот этими руками” выкладывал покрытие на взлетной полосе, чтобы в их “внешнее поселение” на маленьких самолетах могли прилетать врачи – там везде были телефоны, и “летающий доктор”, как это заведено в Австралии, прибывал по первому зову в любое время дня и ночи – и учителя (всех детей учили по школьным программам) и чтобы доставлялись продукты, а также вещи, без которых во второй половине XX в. уже трудно было обойтись. Разумеется, в это начинание вкладывались немалые государственные средства, причем никто не ожидал материальной “отдачи” или коммерческой прибыли от деятельности поселенцев. Все участники процесса, включая государство, стремились лишь помочь коренным австралийцам “оздоровить” и души, и тела (Ford 2013; Martin 2015; Martin, Martin 2016, Peterson 2016).

“Внешние поселения” в некотором количестве существуют в Австралии аборигенов и по сей день, но все же большинство из них опустело, и люди вернулись в поселки, подобные Аурукуну. Случилось это во многом потому, что уехали в города “белые братья” (их много было тогда, здесь не перечислить), они, как сказал тот же Питер Саттон в личной беседе, “стали стареть, слабеют, просто выдохлись”, к тому же их дети подросли и нуждались в высшем образовании. А смены не пришло. Именно в этом беда, в отсутствии смены прекрасным австралийским “шестидесятникам”. Люди мейнстрима, которые сегодня живут и работают, обслуживая инфраструктуру, в поселках аборигенов и мечтают поскорее оттуда выбраться, заработав денег или бюрократические “очки” (баллы), нужные для построения карьеры, зачастую не имеют представления ни о науке антропологии, ни о культуре коренных жителей, ни о том, что такое благотворительность и жертвенность. Остается только надеяться, что в

поколениях внуков, правнуков и праправнуков австралийских “шестидесятников” со временем проснутся и сильный дух, и интеллект, и добрая воля академически образованных “прародителей”. Новым подвижникам тогда придется напряженно искать новые пути и средства помогать аборигенам. Возможно, это вовсе не будет повторение децентрализации. Но хорошо бы, если бы новые медиаторы для начала попытались – впервые в истории колонизации – даже и в крупных поселках совместно с аборигенами трудиться и отдыхать не по тому распорядку, который вся пришедшая Австралия считает единственно правильным (ср.: Peterson 2022: 10), а по тому распорядку, которому следовали коренные австралийцы на своем континенте в своих экологических нишах десятки тысяч лет.

“Не стоит село без праведника”, праведники есть в поселках коренных австралийцев. Но выход из безысходности могут найти только подвижники. Вот они – очень нужны.

### Примечания

<sup>1</sup> Тайсон Янкапорта – австралийский писатель, имеющий коренных австралийцев среди своих предков и усыновленный семьей аборигенов Кейп-Йорка. Фамилия *Янкапорта* распространена среди представителей этнокультурной общности вик-мункан. Чаще всего современные коренные австралийцы носят христианское имя и фамилию, происходящую от традиционного названия какой-либо из родственных групп.

<sup>2</sup> Все места, которые упоминаются в тексте, отмечены на прилагаемой к этой статье карте (Рис. 1).

<sup>3</sup> Этот же вопрос мы задавали служащим туристических компаний, организующих экскурсии, и одному из знакомых коллег-антропологов. Ответы были такими же.

<sup>4</sup> В самые последние годы сотрудники Совета стали вести записи о смертях. Записей о рождениях никто не делает.

<sup>5</sup> Они в основном относятся к старому кладбищу, на новом кладбище почему-то надмогильные таблички во многих случаях не содержат данных о датах рождений.

<sup>6</sup> Аурукунцы не считают О.Ю. Артемову “настоящей белой”, и дело не только в смугловатой коже и карих глазах, но и в поведении. Оно во многом не похоже на поведение англо-австралийцев.

<sup>7</sup> “Кивер” – по-голландски значит “поворот”. Сотни вооруженных аборигенов встретили голландских моряков в этом месте и 10 из них (или более) убили, после чего Янзон принял решение прекратить обследование вновь открытого материка и вернуться на Яву.

<sup>8</sup> Первыми австралийцами (*The First Australians*) в современной Австралии принято называть ее коренное население – в отличие от пришельцев из Европы, как бы “вторых” австралийцев. Это словосочетание вынесено в заглавие выдержавшего множество изданий и переведенного на русский язык капитального труда выдающихся австралийских антропологов Р. и К. Берндтов – *The World of the First Australians* (Berndt, Berndt 1964; Берндт, Берндт 1981); оно присутствует и в названиях многочисленных популярных публикаций и кинофильмов.

### Источники и материалы

Лангло-Паркер 1965 – Лангло-Паркер К. Мифы и сказки Австралии. М.: Наука, 1965.  
Rioter’s Insight 2021 – Rioter’s Insight into Aurukun’s Cycle of Violence // The Cairns Post. 29.07.2021. <https://www.cairnspost.com.au>

- Ford* 2013 – *Ford C.* The Aurukun Blues of Peter Sutton: An Anthropologist Hits the Skids in Cape York // *The Monthly*. May 2013. <https://www.themonthly.com.au/issue/2013/may/1367547739/catherine-ford/aurukun-blues-peter-sutton>
- Horton* 1994 – *Horton D.R.* Wik // *The Encyclopaedia of Aboriginal Australia: Aboriginal and Torres Strait Islander History, Society and Culture* / Ed. D. Horton. Canberra: Aboriginal Studies Press for Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies. Vol. II, 1994. P. 1178–1179.
- Kickett* n.d. – *Kickett M.* The Aboriginal Church Gets Overloaded by Funerals // *Tearfund Australia*. <https://www.tearfund.org.au/stories/the-aboriginal-church-gets-overloaded-by-funerals> (дата обращения: 12.06.2023).
- Pascoe* 2014 – *Pascoe B.* Dark Emu: Black Seeds: Agriculture or Accident? Broome: Magabala Books, 2014.
- Record 1891–1948 – Record of Births, Deaths, Marriages and Baptisms at Aurukun, Based Partly on the Old List of Rev. A. Richter and T.N. Holmes, Includes Details of Adoptions and Bush Marriages, 1891–1948. Photocopy from the Private Archive of Mrs Jane Kariuka (дата обращения: 09.2007).
- Scolaro* 2018 – *Scolaro N.* Victor Steffensen Listens to the Land // *Dumbo Feather*. 20.08.2018. <https://www.dumbofeather.com/conversations/victor-steffensen-listens-to-the-land>
- Nakatani* 2021 – *Nakatani M.* The Tragic History of Australia’s Ayers Rock // *Grunge*. 21.06.2021. <https://www.grunge.com/316441>
- Yunkaporta* 2020 – *Yunkaporta T.* Sand Talk: How Indigenous Thinking Can Save the World. San Francisco: HarperOne, 2020.

### Научная литература

- Артемова О.Ю.* Некапиталистический этос в орбите капиталистического // Новые российские гуманитарные исследования. 2016. Вып. 11. <http://www.nrgumis.ru/articles/1994>
- Артемова О.Ю.* Настоящий охотник – бедный охотник? (“Моральная экономика” и некоторые проблемы социальной эволюции) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2018. № 1. С. 77–102.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.
- Bateson G.* Culture Contact and Schismogenesis // *Man*. 1935. Vol. 35. P. 178–183. <https://doi.org/10.2307/2789408>
- Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. Sydney: Ure Smith, 1964.
- Bird-David N.* The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters // *Current Anthropology*. 1990. Vol. 31 (2). P. 189–196.
- Bird-David N.* Beyond “The Hunting and Gathering Mode of Subsistence”: Culture-Sensitive Observations on the Nayaka and Other Modern Hunter-Gatherers // *Man*. 1992. Vol. 27 (1). P. 19–44. <https://doi.org/10.2307/2803593>
- Graeber D., Wengrow D.* The Dawn of Everything: A New History of Humanity. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2021.
- Kowal E.* Trapped in the Gap: Doing Good in Indigenous Australia. N.Y.: Berghahn, 2015.
- Martin D.F.* Does Native Title Merely Provide an Entitlement to Be Native? Indigenous, Identities, and Applied Anthropological Practice // *Australian Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 26 (1). P. 112–127. <https://doi.org/10.1111/taja.12121>
- Martin D.F., Martin B.F.* Challenging Simplistic Notions of Outstations as Manifestations of Aboriginal Self-Determination: Wik Strategic Engagement and Disengagement over the Past Four Decades // *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia* / Eds. N. Peterson, F. Myers. Canberra: Australian National University Press, 2016. P. 210–228.



- Peterson N.* Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity among Foragers. *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95 (4). P. 860–874.
- Peterson N.* From Mode of Production to Moral Economy: Sharing and Kinship in Fourth World Social Orders // Ninth International Conference on Hunting and Gathering Societies: Hunter-Gatherer Studies and the Reshaping of Anthropology. Edinburgh, the Edinburgh Conference Center, 2002.
- Peterson N.* What Can the Precolonial and Frontier Economies Tell Us about Engagement with the Real Economy? Indigenous Life Projects and the Conditions for Development // Culture, Economy and Governance in Aboriginal Australia / Eds. D. Austin-Broos, G. Macdonald. Sydney: Sydney University Press, 2005. P. 7–18.
- Peterson N.* On the Persistence of Sharing: Personhood, Asymmetrical Reciprocity, and Demand Sharing in the Indigenous Australian Domestic Moral Economy // *Australian Journal of Anthropology*. 2013. Vol. 24 (2). P. 166–176. <https://doi.org/10.1111/taja.12036>
- Peterson N.* Place, Personhood and Marginalization: Ontology and Community in Remote Desert Australia // *Anthropologica*. 2015. Vol. 57 (9). P. 491–500.
- Peterson N.* What Is the Policy Significance of the Hybrid Economy? // *Engaging Indigenous Economy: Debating Diverse Approaches* / Ed. W. Sanders. Canberra: Australian National University Press, 2016. P. 55–64.
- Peterson N.* Beyond Narratives of Aboriginal Self-Deliverance: Land Rights and Anthropological Visibility in the Australian Public Domain // *Anthropological Forum: A Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2022. Vol. 32 (2). P. 125–137. <https://doi.org/10.1080/00664677.2022.2084716>
- Sahlins M.* Stone Age Economics. Chicago: Aldine–Atherton, 1972.
- Sutton P., Walshe K.* Farmers or Hunter-Gatherers? The Dark Emu Debate. Melbourne: Melbourne University Publishing, 2021.
- Sutton P.* The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus. Carlton: Melbourne University Press, 2009.
- Thomson D.* Donald Thomson in Arnhem Land / Ed. N. Peterson. Carlton: Miegunyah Press, 2003.
- Woodburn J.C.* Sharing Is Not a Form of Exchange: An Analysis of Property-Sharing in Immediate Return Hunter-Gatherer Societies // *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition* / Ed. C.M. Hann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 48–63.

## Research Article

**Artemova, O.Y., and Y.A. Artemova.** How Indigenous Australians Try to Preserve Themselves [Kak korennye avstraliitsy pytaiutsia sokhranit' sebja]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 143–177. <https://doi.org/10.31857/S086954152305010X> EDN: YEPPJS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

**Olga Artemova** | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | [artemova.olga@list.ru](mailto:artemova.olga@list.ru) | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (Miusskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia)

**Yuliia Artemova** | <https://orcid.org/0000-0002-7437-8044> | [redfox712002@yandex.ru](mailto:redfox712002@yandex.ru) | Russian State University for the Humanities (Miusskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia)

## Keywords

Australian Aboriginal peoples, traditional culture, hunting, gathering, fishing, European colonization, work ethics, risk minimization, syncretism in rituals and beliefs

## Abstract

The article discusses personal and collective life ways of native people residing in remote settlements of the Cape York Peninsula, Australia, and offers a number of observations on the native population of Central Australia. It is drawn on the authors' field materials collected in 2005, 2007–2009, 2015, and 2022. If set against the backdrop of the likewise framed project exploring the Evens and Evenkis of Eastern Siberia, the situation in faraway settlements of Australian Aboriginal people manifests both substantial similarities and important differences. Neither in the past when the colonization began to unfold, nor in the present did the Aboriginal people, for the most part, willingly join the commercial and entrepreneurial activities of the Australian mainstream circles or get involved in trade and economic relationships with the newcomers. They rather resisted, and still do, the authorities' and entrepreneurs' attempts at getting them involved in such relationships. We argue that the underlying reason behind that is the very character of the local traditional culture, the key aspects of which are consciously and resiliently preserved – even if sometimes in a transformed or deviant manner – by the native people.

## References

- Artemova, O.Y. 2016. Nekapitalisticheskii etos v orbite kapitalisticheskogo [Noncapitalistic Ethos in the Orbit of Capitalism]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* 11. <http://www.nrgumis.ru/articles/1994>
- Artemova, O.Y. 1918. Nastoiaščii okhotnik – bednyi okhotnik? (“Moral’naia ekonomika” i nekotorye problemy sotsial’noi evoliutsii) [Pure Hunter is Poor Hunter? (“Moral Economy” and Some Problems of Social Evolution)]. *Stratum plus. Arkheologiia i kul’turnaia antropologiia* 1: 77–102.
- Bateson, G. 1935. Culture Contact and Schismogenesis. *Man* 35: 178–183. <https://doi.org/10.2307/2789408>
- Berndt, R.M., and C.H. Berndt. 1964. *The World of the First Australians*. Sydney: Ure Smith.
- Berndt, R.M., and C.H. Berndt. 1981. *Mir pervykh avstraliitsev* [The World of the First Australians]. Moscow: Nauka.
- Bird-David, N. 1990. The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters. *Current Anthropology* 31 (2): 189–196.
- Bird-David, N. 1992. Beyond “The Hunting and Gathering Mode of Subsistence”: Culture-Sensitive Observations on the Nayaka and Other Modern Hunter-Gatherers. *Man* 27 (1): 19–44. <https://doi.org/10.2307/2803593>
- Graeber, D., and D. Wengrow. 2021. *The Dawn of Everything: A New History of Humanity*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Kowal, E. 2015. *Trapped in the Gap: Doing Good in Indigenous Australia*. New York: Berghahn.
- Martin, D.F. 2015. Does Native Title Merely Provide an Entitlement to Be Native? Indigenes, Identities, and Applied Anthropological Practice. *Australian Journal of Anthropology* 26 (1): 112–127. <https://doi.org/10.1111/taja.12121>
- Martin, D.F., and B.F. Martin. 2016. Challenging Simplistic Notions of Outstations as Manifestations of Aboriginal Self-Determination: Wik Strategic Engagement and Disengagement over the Past Four Decades. In *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*, edited by

- N. Peterson and F. Myers, 210–228. Canberra: Australian National University Press.
- Peterson, N. 1993. Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity among Foragers. *American Anthropologist* 95 (4): 860–874.
- Peterson, N. 2002. From Mode of Production to Moral Economy: Sharing and Kinship in Fourth World Social Orders. Paper presented at Ninth International Conference on Hunting and Gathering Societies: Hunter-Gatherer Studies and the Reshaping of Anthropology. Edinburgh, the Edinburgh Conference Center.
- Peterson, N. 2005. What Can the Precolonial and Frontier Economies Tell Us about Engagement with the Real Economy? Indigenous Life Projects and the Conditions for Development. In *Culture, Economy and Governance in Aboriginal Australia*, edited by D. Austin-Broos and G. Macdonald, 7–18. Sydney: Sydney University Press.
- Peterson, N. 2013. On the Persistence of Sharing: Personhood, Asymmetrical Reciprocity, and Demand Sharing in the Indigenous Australian Domestic Moral Economy. *Australian Journal of Anthropology* 24 (2): 166–176. <https://doi.org/10.1111/taja.12036>
- Peterson, N. 2015. Place, Personhood and Marginalization: Ontology and Community in Remote Desert Australia. *Anthropologica* 57 (9): 491–500.
- Peterson, N. 2016. What Is the Policy Significance of the Hybrid Economy? In *Engaging Indigenous Economy: Debating Diverse Approaches*, edited by W. Sanders, 55–64. Canberra: Australian National University Press.
- Peterson, N. 2022. Beyond Narratives of Aboriginal Self-Deliverance: Land Rights and Anthropological Visibility in the Australian Public Domain. *Anthropological Forum. A Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology* 32 (2): 125–137. <https://doi.org/10.1080/00664677.2022.2084716>
- Sahlins, M. 1972. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine–Atherton.
- Sutton, P. 2009. *The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus*. Carlton: Melbourne University Press, 2009.
- Sutton, P., and K. Walshe. 2021. *Farmers or Hunter-Gatherers? The Dark Emu Debate*. Melbourne: Melbourne University Publishing.
- Thomson, D. 2003. *Donald Thomson in Arnhem Land*, edited by N. Peterson. Carlton: Miegunyah Press.
- Woodburn, J.C. 1998. Sharing Is Not a Form of Exchange: An Analysis of Property-Sharing in Immediate Return Hunter-Gatherer Societies. In *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition*, edited by C.M. Hann, 48–63. Cambridge: Cambridge University Press.